

СОДЕРЖАНИЕ:

„Обращение“ Вѣдомства Императрицы Маріи.—Письмо г. Гнѣдича.—Къ открытію всероссійскаго женскаго съѣзда.—Хроника.—По провинціи.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—Кинематографъ. *К. Чуковский*.—Изъ театральныхъ воспоминаній. Нильскій—Пронскій—Бурдинъ. *В. Лихачова*.—Лондонскіе наброски. *В. Лебедева (Вел-Ами)*.—Театральныя замѣтки. *А. Кузеля*.—Оргія безсмертія (Письмо въ редакцію). *В. Кричевскаго*.—Ростовскія письма. *В. Камнева*.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † В. С. Ремизовъ, „Вожди“ (5 рис.), Сара Бернаръ (2 порт.), „Виндзорскія кумушки“, „Дни нашей жизни“, „Воровка“, „За сто лѣтъ назадъ“ (3 рис.).

Отъ редакціи.

Въ „Библиотекѣ Театра и Искусства“ въ 1909 году будутъ, между прочимъ, напечатаны: новыя пьесы Семена Юшкевича, Е. Н. Чирикова, „Большой человекъ“ Г. Г. Кольчиго, „Казенная квартира“ В. А. Рышкова, „Израиль“ Бернштейна и пр., вторая часть „Записокъ режиссера“ П. П. Ивановскаго и т. д. Въ „Эстрадѣ“—цѣлый рядъ театральныхъ миниатюръ.

С.-Петербургъ, 7-го декабря 1908 года.

Въ газетахъ появилось такого рода „обращение“ къ публикѣ отъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Высочайше утвержденнымъ 5 мая 1892 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта установленъ благотворительный сборъ въ пользу вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи съ уведомления и зрѣлицъ, посредствомъ особыхъ марокъ этого вѣдомства.

Въ устраненіе замѣченныхъ злоупотребленій, Главное Управление вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи обращается ко всѣмъ гг. посѣтителямъ театровъ и прочимъ увеселительныхъ мѣстъ съ покорнѣйшею просьбою требовать при покупкѣ изъ кассы билетовъ обязательной оклейки ихъ марками соотвѣтственной стоимости и въ случаѣ замѣченныхъ нарушеній закона, обращаться къ содѣйствію полиціи; при врученіи же билета для контроля наблюдать за тѣмъ, чтобы часть билета, съ наклеенной половиной марки была возвращена гг. посѣтителямъ.

Главное Управление вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи полагаетъ, что при такомъ контролѣ надъ благотворительнымъ сборомъ со стороны публики, являющейся плательщикомъ этого налога и потому заинтересованной въ правильномъ поступленіи его, возможно устраненіе злоупотребленій въ оплатѣ означеннаго сбора и увеличеніе въ то же время благотворительныхъ средствъ вѣдомства, расходуемыхъ на воспитаніе и призрѣніе обездоленныхъ, неимущихъ, больныхъ и убогихъ.

Это обращеніе заслуживаетъ весьма серьезнаго вниманія. Оно очень любопытно во многихъ отношеніяхъ. Какъ извѣстно, несмотря на огромный ростъ театрального дѣла и умноженіе зрѣлицъ (одни кинематографы чего стоятъ!), доходъ отъ марокъ вѣдомства Императрицы Маріи не только не поднимается, но явно падаетъ изъ года въ годъ. Не помогли и марки новаго образца, съ особыми корешками. Злоупотребленія практикуются, такъ сказать, широкою рукою. Существуютъ очень сложные способы, выработанные практикою театральныхъ кассировъ. Напримѣръ, собираютъ у контроля билеты и отклеиваютъ марки, а корешки скупаютъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, куда билетныя книги сдаются. Всѣ про это знаютъ. Изрѣдка составляются протоколы и возбуждаются дѣла, но фактъ на лицо: до-

ходы вѣдомства падаютъ, и налогъ на театры превращается, въ значительной части, въ налогъ въ пользу театральныхъ кассировъ.

Въ общемъ, это неприглядный уголокъ русской дѣйствительности, и одинаковыя причины порождаютъ какъ большія, такъ и малыя послѣдствія: безответственность администраціи, лихоимство, придушенная гласность и пр.—все это уменьшаетъ доходы вѣдомства Императрицы Маріи, какъ и препятствуетъ, вообще, развитію русской жизни. Но вѣдомство, повидимому, склонно односторонне смотрѣть на дѣло. Все вѣдомство, въ цѣломъ, съ точки зрѣнія, на примѣръ, правъ и полномочій Государственной Думы, отнесено къ „забронированнымъ“ частямъ бюджета. Вѣдомство, обращаясь съ воззваніемъ къ публикѣ, рассчитываетъ на общественное содѣйствіе въ смыслѣ контроля надъ доходами, но очевидно, не ждетъ пользы отъ контроля общества надъ расходами и надъ постановкою всего дѣла вообще.

Само собою понятно, что злоупотребленія съ марочнымъ сборомъ возмутительны и вызываютъ негодованіе всѣхъ порядочныхъ людей. Но рассчитывать на „наблюдательную“ энергію театрального посѣтителя—едва ли возможно. При томъ, какъ мы уже упоминали выше, „корешокъ“ получается, вѣдь, не отъ контролеровъ. Въ корешкѣ-то, стало быть, и есть, такъ сказать, „корень“ зла.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Театральное Общество предлагало взять на себя взиманіе благотворительнаго сбора. На чемъ были основаны упованія—не знаемъ. „Секретъ спасенія“ доходовъ вѣдомства Императрицы Маріи совершенно такой же, какъ и всѣ прочіе секреты: онъ—въ оздоровленіи нравовъ администраціи, въ развитіи общественнаго начала, въ широкой гласности и въ правомѣрномъ строѣ жизни. Тогда и марки можно было бы упразднить, а просто замѣнить частью сбора, какъ это дѣлается во Франціи.

„Надѣлала синица страху, а море не сожгла“... Съ нетерпѣніемъ всѣ ожидали 1-го декабря, когда, какъ заявилъ г. Гнѣдичъ, онъ будетъ имѣть возможность пролить свѣтъ на остающуюся по сіе время не раскрытой тайну его отставки. Но тайна такъ и осталась тайной, ибо появившееся, какъ общазалъ г. Гнѣдичъ, 1-го декабря письмо въ „Нов. Времени“ ничего не разъясняетъ, но лишь подтверждаетъ то, что всѣмъ и до письма г. Гнѣдича было извѣстно: что наша сцена во власти чиновничества, но что это не мѣшало г. Гнѣдичу „съ честью“ носить свое званіе управляющаго труппой. Вотъ это письмо:

„Служить, въ самомъ дѣлѣ, дольше было нельзя. Наша сцена заведена чиновничествомъ. Пока контора, помимо стоящихъ во главѣ труппы, будетъ принимать или не принимать пьесы, приглашать или увольнять артистовъ, покупать мебель, заказывать декорации и пр.,—правильнаго дѣла вести невозможно.

Каждая сцена должна имѣть одно ответственное лицо за все, а не исполнителя конторскихъ приказаній, который говорить вмѣсто спредѣленнаго да и нѣтъ,—ни да, ни нѣтъ. Къ этому, слава Богу, послѣ горькихъ опытовъ пришли въ Москвѣ. А у насъ учреждается что-то вроде семибоярщины. Одинъ артистъ не безъ ироніи воскликнулъ: „Точно мы морскія свинки, на которыхъ все время практикуютъ опыты прививокъ“!

Контора, вмѣсто служебныхъ функцій по отношенію театра, стала проявлять активную силу, рѣшивъ, что театръ—одно изъ отдѣленій конторы. Ужъ не чиновники монтировочной части являются къ режиссерскому управленію за распоряженіемъ по вопросамъ постановокъ пьесъ, а очередной режис-

серь бѣгаетъ въ контору и чуть-ли не проситъ чиновника, чтобы онъ сдѣлалъ милость—помочь поставить пьесу. Печально то, что люди совершенно нелитературные судятъ русскихъ авторовъ, принимаютъ или не принимаютъ ихъ пьесы; судятъ о декорационной живописи, не понимая, что такое рисункъ, перспектива и колоритъ. Смѣшеніе понятій стили и стилизаціи приводитъ дѣло художественныхъ постановокъ къ каюфоніи крыловскаго квартета.

Шекспиръ, Шиллеръ, Кальдеронъ, Лопе-де-Вега, Пушкинъ, Гоголь — все это пустые звуки. Важны отношенія, рапорты, нумера, дисциплина. Дошло до того, что стали писать приказы, какъ будто дирекція полковая канцелярія. Все, что самостоятельно—давится; что безразлично и безпарно—выдвигается.

На этой почвѣ, разумѣется, пышнымъ цвѣтомъ расцвѣли шпіонство и клевета. Къ счастью, нашлись люди, — конечно, литераторы, поднявшіе голосъ за правду, — пользуюсь кстати случаемъ принести благодарность всѣмъ тѣмъ, кто заявилъ, что и онъ оскорбленъ вмѣстѣ со мною гнусными подозрѣніями:

«Вотъ и вся тайна. Наконецъ, разоблаченій я не боюсь, и готовъ дать отпоръ всякой мерзости, что измышлять противъ меня».

„Нов. Русь“ по этому поводу основательно замѣчаетъ: „служить больше нельзя“—этому мы вѣримъ охотно. Но вѣдь не г. Гнѣдичъ въ 12 час. ночи явился къ директору, и разбудивъ его, сказалъ: „больше служить не могу, а какъ будто наоборотъ“. Г. Гнѣдичъ служилъ при двухъ директорахъ, и при немъ дѣлались всевозможнѣйшіе опыты—и такъ, и такъ. „Должно быть одно лицо“, но режиссерское многовластіе завелъ онъ. „Должно быть одно лицо“, но никогда театръ не былъ такъ „безличенъ“ въ смыслѣ репертуара и направленія. „Должно быть одно лицо“, но ни при комъ система разложенія режиссерской отвѣтственности не дошла до такого процвѣтанія. „Должно быть одно лицо“, но благодаря разовой системѣ, введенной г. Гнѣдичемъ и истиннѣ постыдной въ художественномъ учрежденіи, всѣ режиссеры (а ихъ много) получили возможность взаимно вліять на заработокъ актеровъ, создавъ самыя благоприятныя условія для фаворитизма, кружковщины и т. п.

А все-таки, что произошло въ „историческую ночь“?

Близится открытіе „перваго всероссійскаго женскаго съѣзда“. По газетнымъ извѣстіямъ, съѣздъ будетъ открытъ рѣчью проф. Петражицкаго о „правовомъ положеніи женщинъ“. Содержаніе и предметъ другихъ докладовъ, которые будутъ дебатироваться на съѣздѣ, неизвѣстны. Намъ интересуется вопросъ, остановитъ-ли женскій съѣздъ свое вниманіе на правовомъ положеніи русской актрисы, на условіяхъ ея профессиональнаго труда. До сихъ поръ объ этомъ что-то ничего не слышно. Мы не преувеличиваемъ реального значенія подобныхъ съѣздовъ и ихъ резолюцій, но не мѣшаетъ лишній разъ „вложить перстъ въ раны“ русской актрисы, какъ гражданки, какъ участницы гражданскаго оборота.

Актриса—одна изъ немногихъ женщинъ, прочно существующихъ своимъ трудомъ, но юридически — она раба. Девизъ, провозглашенный съѣздомъ: „равныя права, равныя обязанности“—звучитъ грустной, подчасъ трагической насмѣшкой, если вспомнить о правовомъ положеніи актрисы и о цѣпяхъ, сковывающихъ ея профессиональную дѣятельность. Достаточно привести потрясающе ясныя статьи нашихъ гражданскихъ законовъ по семейному праву, напимѣръ, статью 103 т. X ч. 1, обязывающую супруговъ жить вмѣстѣ. Вотъ самая заурядная житейская комбинація. Мужъ — человѣкъ, по условіямъ своей профессіи имѣющій опредѣленную осѣдность. Жена — актриса. Ясно, что ей придется кочевать. Но мужу стоитъ не дать своего соизволенія, и дѣятельность актрисы подорвана въ са-

момъ основаніи. Требования закона до того категоричны, что даже самыя либеральныя комментаторы безсильно передъ нимъ умолкаютъ. Загляните, напимѣръ, въ фоліантъ, только что изданный Тютрюмовымъ, гдѣ собраны всѣ разъясненія Сената, и вы узнаете, что даже „выдача паспорта замужней женщинѣ съ согласія мужа не лишаетъ его правъ требовать ее къ совмѣстному сожителству“.

Можетъ быть, 103 статья обломокъ отживающей старины? Ни мало. Прочтите по вопросу о совмѣстномъ жителствѣ супруговъ разсужденія составителей гражданскаго уложенія. „Жена должна слѣдовать за мужемъ при перемѣнѣ мѣстожителства, развѣ бы исполненіе этой обязанности грозило очевидной опасностью для ея жизни или здоровья, либо разложеніемъ семьи“. Таково грядущее, которое наши законодатели общають русской женщинѣ. Оно, какъ видите, не лучше настоящаго.

„Мужъ, говоритъ Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи 1790 г., за № 18, — считается главой семейства, въ составъ котораго входитъ и жена. Слѣдовательно, она какъ *подвластная*, не можетъ одновременно съ мужемъ стоять во главѣ семейства“.

„Подвластная“ — таковъ терминъ, трижды оскорбительный для актрисы.

Если въ вопросѣ о совмѣстномъ жителствѣ супруговъ русская актриса дѣлитъ только общую горькую участь русской женщины, то въ своей профессиональной дѣятельности она испытываетъ особыя стѣсненія.

Кому неизвѣстны многочисленные примѣры этого рода? Актрису Н., годы служившую въ Петербургѣ, неоднократно требовалъ къ себѣ мужъ М., тоже актеръ. Только черезъ посредство покойнаго И. О. Пальмина удалось уломать строптивца. Года два назадъ въ провинціальномъ театрѣ громкій скандалъ вызвало требованіе мужемъ домой законтракованной актрисы. Многіе антрепренеры, при заключеніи контрактовъ, требуютъ подписи мужа, считая иначе договоръ недѣйствительнымъ. И послѣ этого упрекать актрисъ, что онѣ избѣгаютъ „законныхъ браковъ“, предпочитая нелегалитированныя сожителства. Да гражданскій законъ экономически побуждаетъ ихъ къ этому!

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Какъ мы слышали, на мѣсто П. П. Гнѣдича приглашенъ профессоръ Н. А. Котляревскій, но уже съ другимъ чиномъ и званіемъ. Онъ будетъ называться не „управляющимъ“, но „инспекторомъ репертуара“. Если этотъ слухъ вѣренъ, то „инспектору репертуара“, вѣроятно, уготована судьба „смотрителя штукатурки“.

— Ю. М. Юрьеву пожалованъ германскій орденъ „Pour le mérite“.

— За 10-лѣтнюю службу въ Маломъ театрѣ Е. А. Мирова получаетъ бенефисъ. Идетъ пьеса г. Туношенскаго „Развалъ“.

— Сара Бернаръ сборы дѣлаетъ далеко не полные. Лучшій сборъ сдѣлала „Орленокъ“ и первый выходъ въ „Маргаритѣ Готье“. На „Адриеннѣ Лекуверь“ было далеко не густо.

— К. Н. Незлобинъ для Москвы формируетъ почти совершенно новую труппу. Изъ его рижской труппы, большинство членовъ которой служило у него многіе сезоны, остаются немногіе: гг. Лихачовъ, Годзи, Кручинина-Годзи. Главнымъ режиссеромъ приглашенъ на три года К. А. Марджановъ. Въ составъ труппы приглашены, между прочимъ, г-жи Васильева (изъ театра Корша) Вульфъ, Лилина, гг. Нероновъ и Бѣлгородскій.

— По словам газетъ, на мѣсто покойнаго А. А. Потъхина въ члены театрально-литературнаго комитета назначенъ Д. Мережковский.

— Антрепренеръ театра „Пассаждъ“ г. Новиковъ ведетъ переговоры съ владельцами „Олимпии“ Кабановымъ и Яковлевымъ о передачѣ ему въ зренду, на лѣто, ихъ сада для устройства опереточныхъ спектаклей. Съ ними же ведетъ переговоры и г. Максаковъ, прїѣзжавшій на этой недѣлѣ въ Спб. изъ Одессы. Съ г. Новиковымъ, какъ намъ сообщаютъ, ведутъ переговоры г. Сабуровъ о переуступкѣ ему на будущей зимней сезонъ театра въ „Пассаждѣ“.

— Новый театръ В. А. Казанскаго на Литейномъ пр., какъ говорятъ, откроется только на праздникахъ.

— Театральное Общество устраиваетъ въ Александринскомъ театрѣ интересный спектакль. Пойдетъ малороссійская оперетка „Наталка Полтавка“, съ участіемъ въ заглавной роли оперной артистки Л. Я. Липковской, а также М. Г. Савиной и В. Н. Давыдова, которые исполнять свои роли на малороссійскомъ языкѣ. Малороссійскихъ „дівчинъ“ будутъ изображать: г-жи Потоцкая, Домашева, Стравинская, Шувалова и др.

— Съ актеромъ Малаго театра, г. Блюменталь-Тамаринымъ случилось несчастье во время репетиціи, 3 декабря. Онъ угодилъ подъ крышку спускнаго люка и повредилъ себѣ руку. Артиста въ обморочномъ состояніи унесли со сцены.

— Артисты „Фарса“ К. Гаринъ и г. Улихъ подписали контрактъ въ московскую труппу Щукина, организуемую г. Брянскимъ.

— Спектакли въ Петербургскомъ театрѣ временно прекратились. Последний спектакль состоялся въ воскресенье. Возобновились спектакли въ пятницу, на новыхъ началахъ. Образовалось товарищество, во главѣ съ г. Тарскимъ, къ которому и перешла вся хозяйственная часть дѣла. Художественная-же сторона осталась попрежнему въ рукахъ М. Т. Строева. Во второй половинѣ Ноября М. Т. Строевъ собралъ труппу и объявилъ, что ввиду плохихъ сборовъ, онъ ликвидируетъ дѣло. Актерамъ, въ общемъ не доплачено 7,500 руб., на какую сумму г. Строевъ обязался выдать векселя черезъ Теат. Общ. Какъ намъ сообщаютъ, составъ труппы, насчитывавшій 46 человекъ, будетъ значительно сокращенъ. Многие статьи расхода, которыя всей своей тяжестью легли на первую часть сезона (ремонтъ театра, страховка и т. п.), во второй половинѣ сезона отпадаютъ и тѣмъ значительно облегчаютъ дальнѣйшій бюджетъ дѣла. По 1-ое ноября, на сколько намъ извѣстно, взято всего 6500 руб. (сюда входитъ и 900 р. арендной платы за буфетъ), что составляетъ 200 р. на кругъ. Расходовъ на кругъ приходилось 450 руб. въ вечеръ. Израсходовано по 1-ое ноября 25,000 руб.

— Пьеса извѣстнаго беллетриста Д. Айзмана „Жены“ включена въ репертуаръ Александринскаго театра. Первый разъ пьеса идетъ 15-го декабря. Главныя роли въ пьесѣ распределены между г-жами Савиной, Ведринской, Стравинской и гг. Варламовымъ, Далматовымъ, Ходотовымъ и Конр. Яковлевымъ.

— Антрепренеръ театра „Пассаждъ“ снялъ на 2 недѣли театр въ Псковѣ, куда отправляетъ часть труппы. Поставлены будутъ въ Псковѣ: „Птички пѣвчія“, „Король“ и „Веселая вдова“.

— В. Ф. Комиссаржевская постомъ ѣдетъ въ поѣздку на востокъ. Вторую и третью недѣли поста играетъ въ Иркутскѣ, затѣмъ Чита, Харбинъ, Владивостокъ и, вѣроятно, Японія.

Репертуаръ: „Нора“, „Безприданница“, „Волшебная сказка“ и „Саломея“. Организуетъ поѣздку П. А. Рудинъ.

— По инициативѣ учителя пѣнія І. І. Морелли организовано „Общество преподавателей и ревнителей пѣнія“. Цѣль общества поднятіе уровня искусства пѣнія. Много извѣстныхъ въ музыкальномъ мірѣ лицъ уже изъявили свое согласіе вступить въ члены этого общества. Первое собраніе состоится 15 декабря.

— 21 декабря исполняется 35-лѣтіе литературной дѣятельности писателя Казимира Станиславовича Баранцевича. День этотъ предполагается ознаменовать представленіемъ въ Новомъ театрѣ (Мойка) пьесы К. С. и поднесеніемъ адресовъ. Послѣ спектакля состоится по подпискѣ ужинъ въ театральномъ клубѣ.

— Въ январѣ предстоящаго года на Троицкой улицѣ группой студентовъ на павыхъ началахъ открывается кинематографическій театръ. Программа театра будетъ состоять исключительно изъ событій русской исторіи и жизни.

* * *

Московскія вѣсти.

— Составъ труппы театра Корша для будущаго сезона начинается выясняться. Изъ настоющаго состава останутся: г-жи Романовская, Блюменталь-Тамарина, Аренцвари, Буткова, Виндингъ; гг. Чаринъ, Борисовъ, Кригеръ, Горинъ-Горяиновъ. Приглашены новые артисты: г-жа Шухмина, гг. Строитель и Смурскій; ведутся переговоры съ г-жей Жихаревой, гг. Радинымъ и др. Выбываютъ изъ труппы: г-жи Карелина-Раичъ, Ардатова, Нелидова, Васильева, Комаровская; гг. Кли-

мовъ, Пельцеръ, Волковъ, Рамазановъ, Діамидовскій, Сухановъ и Табенскій.

— По распоряженію московскаго градоначальника, съ репертуара театра „Фарсъ“ снята пьеса „Амалия и т. д.“, но не за порнографическое содержаніе, а за то, что въ ней находится оскорбительная для генераловъ фраза, которую руководитель „Фарса“ Сабуровъ отказался исключить.

— 29-го ноября по распоряженію градоначальника представленіе „Короля“ въ Никитскомъ театрѣ было отменено. Большая часть публики, прїѣзжавшая, очевидно, въ театръ только ради этой оперетты, потребовала деньги обратно и другую оперетку слушать не пожелала. Отмену представленія „Короля“ въ публикѣ мотивировали тѣмъ, что ожидалось повтореніе чешскихъ демонстрацій.

— Въ Москвѣ открылся театральныи клубъ. Во главѣ дирекціи стоитъ Н. Д. Красовъ. Новый клубъ, находится въ бывшемъ помѣщеніи закрытаго клуба Молдавцева.

— Цензура синемаграфовъ. Московскій градоначальникъ утвердилъ правила цензурнаго осмотра синемаграфическихъ лентъ, возложивъ обязанности цензора на старшаго чиновника для особыхъ порученій при градоначальникѣ В. В. Шереметева. „Цензированіе“ лентъ будетъ происходить въ конторахъ, производящихъ торговлю лентами. Каждая разрѣшенная къ продажѣ лента будетъ имѣть свой цензурный номеръ, и покупатели ихъ будутъ получать изъ конторъ особое удостовѣреніе, что проданная имъ лента цензурой одобрена. Владѣльцы синемаграфа, выписывающіе ленты непосредственно изъ-за границы, новыми правилами обязываются извѣщать о полученіи ихъ градоначальство съ просьбой о просмотрѣ лентъ цензоромъ.

— Дирекція Художественнаго театра занята въ настоящее время детальнымъ обсужденіемъ вопроса о поѣздкѣ предстоящимъ лѣтомъ съ „Синей птицей“ въ Лондонъ, Парижъ и Америку. Въ крупнѣйшихъ городахъ Америки и въ Лондонѣ, по словамъ газетъ, дирекціей уже заарендованы, для своихъ спектаклей, лучшіе театры.

— Общество оркестровыхъ музыкантовъ получило въ даръ отъ А. М. Эрлангера 5,000 р. на устройство „дома отдохновенія“ для музыкантовъ.

* * *

† **З. Ю. Яковлева.** 1-го декабря скончалась Зоя Юліановна Яковлева, пользовавшаяся широко извѣстностью въ петербургскихъ артистическихъ и литературныхъ кругахъ, какъ прекрасная исполнительница комическихъ ролей, а позднѣе — какъ писательница. Ея повѣсти и рассказы печатались въ „Нивѣ“, „Живоп. Обзорѣ“, „Новостяхъ“ и др. изданіяхъ. Изъ пьесъ ей шли на Александринскій сценѣ драмы „Поздно“ и „Прибой“.

* * *

† **В. С. Ремизовъ.** На-дняхъ скончался артистъ Императорскихъ театровъ В. С. Ремизовъ.

Покойный служилъ на вторыхъ роляхъ, бывая занятъ до 70 разъ въ сезонѣ.

Наиболѣе удачными его ролями были: Хлоповъ въ „Ревизорѣ“, Тишка въ „Свадьбѣ Кречинскаго“, Карпъ въ „Лѣсѣ“, Досуевъ въ „Доходномъ мѣстѣ“, Вральманъ въ „Недорослѣ“, режиссеръ въ „Татьянѣ Рѣпиной“ и т. д.

Поступивъ на Александринскую сцену въ 1882 году, покойный пробылъ на ней 22 года. Въ 1904 году онъ серьезно занемогъ и долженъ былъ оставить сцену.

В. С. Ремизовъ — отецъ извѣстнаго каррикатуриста, Ре—ми.

Покойный былъ отличный комикъ и характерный актеръ. Онъ обладалъ природнымъ юморомъ или даже, вѣрнѣе, сарказмомъ, а глаза его всегда свѣтились ироніею. Слѣдуетъ сознаться, что дарованіемъ покойнаго мало пользовались, и онъ какъ-то незаметно сталъ сходить на нѣтъ, будучи, по таланту, по своему свободному, непринужденному тону, много выше товарищей. Но однимъ сцена—мать, а другимъ—злая мачеха.

* * *

† **Е. П. Добротини.** Намъ пишутъ: „Въ ночь съ 26-го на 27-ое ноября въ г. Нѣжинѣ скончалась отъ паралича сердца опереточная артистка Елена Петровна Добротини, прїѣзжавшая погостить изъ Петербурга 22-го ноября къ своей сестрѣ А. Добротини, играющей въ данное время съ малорусской труппой Д. А. Гайдамаки. Режиссеръ Л. Г. Арбенинъ“.

* * *

15 декабря празднуется 20-лѣтіе артистич. дѣятельности украинскаго антрепренера Онисима Зиновьевича Сулова (настоящая фамилія Рѣзниковъ) О. З. родился въ 1858 г.; воспитывался въ елисаветградскомъ земскомъ реальномъ училищѣ до 4-го класса, затѣмъ поступилъ въ николаевское реальное училище, откуда былъ уволенъ за участіе въ спектакляхъ артиста Импе-

раторскихъ театровъ М. А. Максимова; игралъ у него выходящая роли. Родителями водворенъ въ кременчугское реальное училище въ 5-й классъ. Окончивъ шесть классовъ, въ 1878 г. выдержалъ экзаменъ экстерномъ при полтавской гимназии на атестатъ зрѣлости, поступилъ въ дерптскій университетъ на медицинскій факультетъ, пробылъ два семестра, занимаясь науками мало, уѣхалъ въ Швейцарію и старательно изучалъ медицину. Экзаменъ держалъ при харьковскомъ университетѣ по особому разрѣшенію. Въ 1882-мъ году послѣ закрытія университета, былъ арестованъ и посланъ на 4 года въ Каинскъ Томской губ.

По возвращеніи изъ ссылки, занимался въ имѣніи отца сельскимъ хозяйствомъ. Въ 1888 году окончательно посвятилъ себя сценѣ, вступивъ въ украинскую труппу М. Л. Кропивницкаго и работавъ подъ его руководствомъ три года, затѣмъ два сезона пробылъ въ труппѣ Саксаганскаго, перешелъ режиссеромъ въ труппу покойнаго Деркача, участвовалъ въ памятной поѣздкѣ его въ Парижъ, окончившейся полною неудачею. Затѣмъ сначала въ со товариществѣ съ А. Л. Суходольскимъ организовалъ труппу, а потомъ самъ сталъ во главѣ труппы, съ которою объѣздилъ Волгу, Кавказъ, Закаспійскій край, столицы, Сѣверо-Западный край. Игралъ въ началѣ артистической карьеры героевъ, любовниковъ, затѣмъ перешелъ на резонеровъ и комиковъ-резонеровъ. Въ нынѣшнемъ году заканчиваетъ антрепренерскую дѣятельность, измаявшись и нуждаясь въ отдыхѣ.

* * *

Александринскій театръ. „Вожди“ кн. А. И. Сумбатова невольно вызываютъ сравненіе съ „Большимъ человѣкомъ“ І. І. Колышко, собирающимъ ежедневно полный театръ. И тутъ, и тамъ попытка вывести новаго „героя“—государственного человека, пытающагося перестроить „старую хранину“ жизни. Такіе люди возможны только въ эпохи кризисовъ, когда начинается историческій „сдвигъ“. Каждое время имѣетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Герой изъ „сферъ“ былъ рѣшительно невозможенъ лѣтъ 10 назадъ. Не потому, что этому препятствовала цензура, но потому, что этому препятствовала дѣйствительность. Большой-ли человѣкъ, малый-ли человѣкъ—въ одинаково могли сказать про себя словами изъ „Ревизора“: „былъ по приказанію“. Инициативъ не было хода. Инициатива—неблагодѣтельна. Инициатива—злѣйшій врагъ системы равнобвсїа, Инициатива, самостоятельность угрожаютъ главному: разложенію отвѣтственности, тому безразлично спокойному, въ себѣ самомъ завершающемуся кругу, который представляетъ бюрократическая система. Но наступаетъ моментъ, когда мало быть гладкимъ, круглымъ, сферическимъ. Нужна шероховатость личнаго характера, имѣющаго смѣлость принять на себя инициативу, какъ нужно горькое лекарство при болѣзни, и тогда на сцену выступаютъ герои дѣйствія, и авторы пытаются перенести ихъ на подмостки.

Кн. А. И. Сумбатовъ—даровитый драматургъ, инстинктивно чующій сценической эффектъ—написалъ, безспорно, интересную, крайне занимательную пьесу, но въ сущности, мало отвѣчающую бытовому правдѣ, и въ этомъ отношеніи „Вожди“ уступаютъ „Большому человѣку“. Наоборотъ, пьеса г. Колышко, гораздо ближе, документальнѣе захватывая средѣ, уступаетъ пьесѣ кн. А. И. Сумбатова, въ смыслѣ театральной техники и широкаго сценическаго письма. То, что хорошо у кн. А. И. Сумбатова (а въ пьесѣ много хорошихъ страницъ) собственно, имѣетъ мало отношенія къ дѣятельности „большого человѣка“. О проектахъ его мы знаемъ смутно. Столкновение съ противниками подразумѣвается за кулисами. Имѣются и прямо невѣроятныя, съ точки зрѣнія петербургскаго жителя, несообразности. Напримѣръ, мыслимо-ли, чтобы министр—чинъ у героя кн. А. И. Сумбатова никакъ не ниже министерскаго—ночью, послѣ оперы, прїѣхалъ на квартиру издателя оппозиціонной газеты, съ женой котораго у него былъ давнишній романъ? Само собою понятно, что это немисливо. За такой особой, какъ та, что выведена у автора, слѣдуетъ цѣлая свита. И наконецъ, такой шагъ—посѣщеніе редакціи оппозиціонной газеты—въдъ это событіе, о которомъ сейчасъ-бы затрещали всѣ телефоны и всѣ языки, и если Темерницынъ угрожаетъ опасность „свалиться“, то можно сказать, что онъ самъ себѣ далъ очень искусно подножку. Разумѣется, это не „быть“ и не „правда жизни“, а искусный театральныи обманъ. Но онъ даетъ возможность автору написать яркую, красочную сцену, ибо, дѣйствительно, что можетъ быть занимательнѣе, какъ это любовное аріозо льва, пришедшаго къ охотникамъ, или эта встрѣча публициста демократа, бичующаго министра, съ объектомъ нападокъ, за чашкой чая? Впрочемъ, какъ говорятъ французы, c'est le vrai qui paraît l'invraisemblable...

У кн. А. И. Сумбатова зато есть манера широкаго сценическаго письма—позволю себѣ сказать, оперно-симфоническаго. Въ этомъ смыслѣ его 4 актъ—объясненіе съ женой и генераломъ—прямо превосходенъ. Люди сильной воли, стального закала—не столько въ психологическихъ подробностяхъ своихъ характерныхъ особенностей, сколько въ монументаль-

ной цѣльности сценической фигуры—очень удавались автору. Темерницынъ—это дальнѣйшій вариантъ Пропорьева, Кастулла и др. героевъ кн. А. И. Сумбатова. Все мочь, все смѣть, на все дерзать. Бросить любимую дѣвушку, жениться на нелюбимой, потому что это нужно; пользоваться людьми, какъ матеріаломъ; строить и при этомъ строгать, пилить, рѣзать по живому мясу, какъ будто это какая нибудь безчувственная болванка. Все это позволено, ибо сказано „дерзай“, ибо имѣются планы, надежды, стремленія, предъ которыми все—ничто.

Нося въ себѣ концепцію такого характера, кн. А. И. Сумбатовъ могъ-бы дать гораздо больше того, что онъ далъ, если-бы тщательнѣе изучилъ бытовую сторону жизни, изъ которой почерпнулъ матеріалъ для своей пьесы. Но къ этой сторонѣ онъ отнесся поверхностно. Онъ сблизилъ, какъ уже мы выше показали, такія сферы, которыя фактически никакъ не сближаются.

Есть еще лично насъ неудовлетворяющее въ произведеніи кн. А. И. Сумбатова: это тенденціозность рѣчей, которую такъ много произносятъ его герои. Во-первыхъ, онъ спутаны, во-вторыхъ, онъ не характерны—слышится странная гамма, отъ эсъ-эрства до крайней правой, но нигдѣ нѣтъ чистой, безпримѣсной ноты. Реакціонеры—въ тоже время выступаютъ противъ націонализма. Мирнообновленецъ съ начинкою изъ толстовщины, прибываетъ прямо изъ Вологды. За что? Камбоджіо—издатель газеты—шутъ, плутъ и ничтожество (эта фигура должна представить особенное утѣшеніе для beau monde'a, сидящаго въ бель-этажѣ)—говоритъ все время объ „учетѣ реальныхъ силъ“, представляя злую карикатуру на нашихъ конституціонныхъ демократовъ и т. д. Тутъ, конечно, нѣтъ намѣренія, но сатирическое дарованіе не могло удержаться отъ соблазна. Вообще, вся эта газетная компанія, съ вышшимъ начальникомъ станціи въ качествѣ отвѣтственнаго редактора, не смотря на искусство автора или вѣрнѣе, благодаря этому искусству, производитъ впечатлѣніе непріятное. Неужели „Аркадія“ печати, создавшаяся въ Москвѣ, вдохновила автора на такое изображение?

Сценическая, хотя и растянутая (1 актъ совершенно излишняя), написанная мастеромъ своего дѣла, порою очень остроумная и яркая, пьеса кн. А. И. Сумбатова разыгрывается очень недурно. Авторъ знаетъ силы Александринскаго театра. Конечно, г. Варламовъ—всегда г. Варламовъ, что бы и кого бы на игралъ, и тѣмъ же тономъ, какимъ онъ изображалъ въ пьесахъ Крылова добрыхъ дядюшекъ, онъ игралъ начальника станціи, въ послѣдствіи редактора, а въ будущемъ начальника таможи, но если не думать о типѣ, а о г. Варламовѣ, то это очень хорошо. Тонкую фигуру, достаточно характерную и умѣренно карикатурную, рисуетъ г. Давыдовъ—Камбоджіо. Г. Аполлонскій—хорошъ и живописенъ въ роли „самого“. Если бы у него была еще сила страсти, забвеніе темперамента! Очень рельефно играетъ г. Ге роль стараго генерала. Не столь удачны другія фигуры. Впрочемъ, это не относится къ г-жѣ Ведринской, сдѣлавшей яркую фигуру изъ роли жены Темерницына. Какъ это ни странно, но эта молодая артистка отлично передаетъ увяданіе женщины. Что-то въ лицѣ, голосѣ, манерахъ—давало полную иллюзію. Г-жа Мичуринна играла очень умно, тонко, граціозно—немножко изъ „Жанины“, немножко изъ другихъ ролей, и благородство сценическаго рисунка искупало нѣкоторый недостатокъ живого темперамента.

N. N.

* * *

Петербургскій театръ г. Строева. Такъ хорошо начатое дѣло крахнуло. Начавъ съ литературныхъ пьесъ „Короля“ Юшкевича, блестяще разыграннаго, „Чорта“ Мольнера, „Дурака“ Фюльда, г. Строевъ, увидя, какъ равнодушна публика окранны къ серьезному дѣлу, впалъ въ уныніе и растерянность и репертуаръ сдѣлался случайнымъ, расчитаннымъ на ту, или иную „сенсацию“, причемъ о художественно-литературной сторонѣ уже не стали думать. Публика не поддержала и „сенсационныхъ“ пьесъ, не повѣривъ заглавіямъ. Сравнительно хороше сборы дала французская мелодрама „Воровка“. Сдѣлала сборъ и послѣдняя новинка, пьеса г. Яшинскаго „Пѣвичка Глаша“. Но при чемъ тутъ драматическое искусство, когда въ театрѣ пришла публика, заинтересованная общаннымъ дивертисментомъ—„У Яра“ и отмѣтившая успѣхомъ артистовъ, которые выступили „въ чужихъ роляхъ“: г-жа Арбелина—въ танцѣ „ки-ка-пу“, а г. Хенкинъ и Лукинъ—въ качествѣ пѣвцовъ цыганскихъ романсовъ? При чемъ здѣсь авторъ?

Въ прошломъ сезонѣ г. Яшинскій далъ пьесу „Уходящїе“, въ которой были кое-какіе проблески, а ужъ „Пѣвичка Глаша“—это просто винигретъ. Тутъ и „Нишіе духомъ“, и „Казнь“, и „Рабыни веселья“, въ вольномъ переложеніи автора, выходившаго на вызовы... послѣ пѣнія и танцевъ на сценѣ.

Въ пьесѣ бесполезно искать жизни, психологическаго анализа, характеровъ. Въмѣсто этого—шаблонныя положенія, избитыя фразы; и слезы, и негодованіе героини пьесы, Глаши, мстящей за свою погибшую жизнь... зараженіемъ мужчинъ „этою“ болѣзью (здѣсь авторъ очень неискусно и аляповато поэим-

ствовался у Брие въ его „Les avaries“, у Мопассана въ его „La bouille“) — все это звучитъ фальшиво, да и написано шероховатымъ языкомъ.

Г-жа Арбелина показала нѣсколько красивыхъ туалетовъ, была эффектна, и танцевала съ шикомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ скромно и граціозно. Молодая артистка, видимо, работаетъ, сглаживаетъ недостатки дикціи. Переходы отъ одного настроенія къ другому у артистки все же мало подготовлены. Судить однако артистку по такой роли въ такой пьесѣ трудно. Если главная роль пьесы совершенно безсодержательна, то остальные — уже совѣтъ манекены.

Такихъ пьесъ не надо писать, а тѣмъ болѣе играть. А жаль, что хорошей труппѣ судьба не дала упрочить „серьезнаго дѣла. Еще на-дняхъ промелькнулъ хороший спектакль, который, увы, немногочисленная публика привѣтствовала горячо и искренно. Съ рѣдкимъ ансамблемъ сыграна была умная, хотя и не новая пьеса Запольской — „Фарисей“ („Мораль пани Дульской“).

Въ ней г-жи Добровольская, Ясновская, Кремнева, Кирсанова, Анзимірова, гг. Выговской и Лукинъ играли ярко, живо, типично.

* * *

Драматическій театръ. Разсказывать содержаніе „Черныхъ масокъ“, равно какъ и остальныхъ пьесъ Л. Андреева, нѣтъ нужды; газетная молва далеко опережаетъ первое представленіе. Смыслъ „Черныхъ масокъ“... Для того, чтобы передать смыслъ, надо предварительно уловить его, я же, признаюсь, уловилъ очень мало. Говорятъ, что Андреевъ, склонный по преимуществу къ проблематическому психопатологическому, занялся и здѣсь процессомъ такъ называемаго „раздвоенія личности“. На сценѣ, дѣйствительно, мы видимъ Лоренцо убивающимъ своего двойника, хоронящимъ его, наблюдающимъ за поклономъ домохадцевъ гробу. Въ глазахъ Лоренцо двойится не только онъ самъ, но и жена его и даже слова и ноты гимна, имъ сочиненнаго. Но если мы имѣемъ дѣло съ художественно-реальнымъ изслѣдованіемъ психической болѣзни, то придется признать, что оно автору не удалось. Слишкомъ ужъ мало во всемъ этомъ послѣдовательности. Ни одинъ изслѣдователь не минуетъ причинъ явленія, — какъ зародилось оно, чѣмъ обусловлено. Веселый и свѣтлый Лоренцо „раздвояется“ слишкомъ внезапно. Какова была его прежняя жизнь, какова жена его, — лицо наиболѣе близкое и могшее такъ или иначе повліять на эту болѣзнь, — мы совершенно не знаемъ. Свѣтъ не познается безъ тѣни, цвѣтъ — безъ его дополнительныхъ, явленіе — безъ среды.

Скорѣе, тутъ не трагедія раздвоенія, а только лишь философская аллегорія. Но и философская аллегорія не удалась. Аллегорія есть сокращеніе, сконцентрированіе образовъ, слишкомъ ужъ обширныхъ и сложныхъ для средняго зрителя или читателя. Цѣль ея — дать возможность обнять то, что въ своей натуральности необъятно. Аллегорія, такимъ образомъ, достигается упрощеніемъ линий и плоскостей. Въ „Черныхъ маскахъ“, напротивъ, мы сталкиваемся съ цѣлой мятежью, хаосомъ линий, взаимно пересѣкающихся и уничтожающихъ одна другую. Въ лабиринтѣ подобныхъ хитросплетеній могла бы помочь развѣ лишь Ариадна.

Меня слегка угрызаетъ совѣсть: вѣдь роль критика, собственно, и есть роль Ариадны... Но тутъ же судьба посылаетъ и утѣшеніе. Свой отчетъ мнѣ приходится писать не по первому представленію, а по второму. Благодаря этому обстоятельству, удалось ознакомиться съ отзывамъ остальныхъ „ариаднъ“ — и вездѣ я нашелъ ту же расписку въ несостоятельности. Одному изъ критиковъ болно за неуспѣхъ своего любимца и, въ поискахъ оправданія, онъ обрушивается на „публику первыхъ представленій“.

„Ахъ, эта публика, — говоритъ онъ, — съ большимъ процентомъ литераторовъ и журналистовъ, которые не привыкли считать удавшимся ничего, кромѣ собственныхъ произведеній... Можетъ быть замыселъ автора не воплотился въ безукоризненные формы, но этотъ ярко-талантливый кошмаръ, надо думать, найдеть у болѣе спокойнаго зрителя болѣе спокойную и болѣе выгодную оцѣнку“.

Долженъ, къ сожалѣнію, констатировать, что и на второмъ представленіи пьесу не поняли и не оцѣнили. Зрительная зала была пуста, почти что наполовину. Финалы каждаго акта встрѣчались или совершеннымъ молчаніемъ или двумя-тремя шлепками, немедленно умолкшими подъ давленіемъ шикаря остальныхъ.

Если возможно сомнѣніе въ томъ, что именно авторъ хотѣлъ дать въ своей пьесѣ, — изслѣдованія ли болѣзни или философскую аллегорію, — то, кажется, становится уже несомнѣннымъ, что въ творчествѣ самого автора мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ патологическаго „раздвоенія“. Если принять, что душа художника есть одновременно музыкальный инструментъ и виртуозъ, слитые воедино, то похоже на то, что въ душѣ Леонида Андреева произошло раздвоеніе, причѣмъ инструментъ остается попрежнему первокласснымъ, а виртуозъ, съ каждымъ новымъ концертомъ, — все слабѣй и слабѣй. Какъ и Толстому, мнѣ вовсе не страшно то, чѣмъ хочетъ меня испу-

гать Андреевъ, но этотъ процессъ въ немъ самомъ — дѣйствительно страшноватъ.

На исполненіе пьесы ни авторъ, ни публика не могутъ пожаловаться. Декорации и костюмы молодого художника Колмакова очень красивы, стильны, оригинальны. Финальный пожаръ замка — верхъ театральной техники. Единственная роль пьесы, — все остальное, вѣдь, „ролями“ называть нельзя, — была въ рукахъ такого опытнаго и талантливаго артиста, какъ Бравичъ и проведена имъ, само собой разумѣется, безукоризненно.

А. Кос—товъ.

* * *

Оперное представленіе учащихся въ консерваторіи привлекаетъ всегда массу публики и учащейся молодежи, заинтересованной въ успѣхъ своихъ близкихъ и знакомыхъ молодыхъ артистовъ. Въ аплодисментахъ и вызовахъ никогда не чувствуется недостатка и внѣшній успѣхъ всегда сопровождаетъ каждый спектакль. Въ прежнее время эти спектакли ставились неохотно и проходили вяло. Но съ развитіемъ самостоятельности подъ руководствомъ новаго директора Глазунова, они приобрѣли другой характеръ. Выборъ оперъ сталъ много интереснѣе. Пошли въ ходъ оперы оканчивающихъ практическіе классы композителъ, подборъ исполнителей сталъ тщательнѣе. Постановки оперъ участились. Можно отъ души привѣтствовать молодое, расцвѣтающее дѣло.

На этотъ разъ поставили „Виндзорскихъ кумушекъ“ Николаи. Комическо-фантастическая опера обладаетъ отлично развитымъ сценическимъ дѣйствіемъ, давая возможность, въ широко написанныхъ ансамбляхъ, проявить способности многимъ молодымъ артистамъ. Обратила на себя всеобщее вниманіе молодая талантливая исполнительница Гантарукъ. Въ роли г-жи Фордъ она очень бойко и умѣло держалась на сценѣ. Ея хорошо поставленное, большого діагона сопрано отличается обаятельностью тембра. По слухамъ, она, въ скоромъ времени, будетъ принята на Маринскую сцену. Хорошее меццо-сопрано, особенно на нижнихъ нотахъ, у Яковлевой. Обѣ исполнительницы — ученицы проф. Ирецкой.

Изъ мужскихъ партій красивый баритонъ у Томашевского и лирической теноръ у Піотровскаго. Послѣднему слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе на свою игру. Выдвинулись Слендеръ (теноръ) и Матковскій (басъ) отчетливой дикціей въ небольшой роли француза Каюса. Оркестръ учащихся подъ управленіемъ Брауэра шель увѣренно. Новый дирижеръ выказалъ несомнѣнные способности въ своемъ дѣлѣ. Обстановка и декорации вполне приличны.

В. Семеновъ.

* * *

Концертъ В. И. Скрябиной изъ произведеній Скрябина — одинъ изъ интереснѣйшихъ въ сезонѣ по своей программѣ — не привлекъ публики. Весьма печально то отношеніе, которое публика проявляетъ къ выдающемуся композитору нашего времени. На всѣхъ произведеніяхъ Скрябина лежитъ печать благородства и серьезнаго пониманія задачъ искусства. Рядъ произведеній фортепьяннаго творчества показала у автора наличность нѣсколькихъ періодовъ его направленія. Но къ каждому изъ нихъ онъ переходилъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства, не теряя своего обличья, своей оригинальности, сходясь лишь на цѣляхъ искусства. Если въ началѣ онъ тяготѣлъ къ Шопену, то Шуманъ привлекаетъ его въ среднемъ періодѣ. Знакомство съ нео-французами и Дебюсси породило такіе изысканные и прекрасные шедевры, какъ *Fragilité* и *Enigme* (op. 50 и 51). Тяготѣніе къ романтизму проглядываетъ во всѣхъ стадіяхъ развитія. Неопредѣленность основныхъ вопросовъ — одинъ изъ главныхъ показателей философскаго мышленія въ романтизмѣ, — ярко проявляется въ скрябинской музыкѣ. Какая-то вопросительность, мучительность сомнѣнія, стремленіе къ метафизическую сторону отражается въ творчествѣ Скрябина и, въ связи съ изысканнѣйшими средствами выраженія, относитъ его творчество въ область нео-романтизма.

Піанистка Скрябина весьма тщательно передавала тонкія, иногда арабесочныя очертанія его музыки. Порою не хватало высокаго подъема и силы темперамента, тѣмъ не менѣе она не выходила изъ стили автора и усвоила его характерную индивидуальность, его область гармоник и мелодикки. Начавъ съ 12 этюдовъ op. 8, она сыграла третью сонату и рядъ вещей болѣе поздняго періода. Изъ нихъ выдѣлились въ исполненіи: задумевшая поэма *Fis—dur* (op. 32), выразительный *Feuillet d'Album* (op. 45) и удивительные *Fragilité* и *Enigme*. Немногочисленная публика горячо привѣтствовала симпатичную концертантку и заставила безъ счета играть на bis. Замѣтно было присутствіе многихъ выдающихся музыкантовъ.

В. С.

* * *

Концертъ піаниста Шварца. Піанистъ Шварцъ, окончившій петербургскую консерваторію нѣсколько лѣтъ тому назадъ по классу проф. Толстова, далъ свой *klavierabend*. Вечеръ прошелъ оживленно и констатировалъ значительные успѣхи даровитаго артиста. Центръ тяжести его игры лежитъ въ художественномъ пониманіи произведенія и передачѣ намѣреній автора. Эта сторона у него превалируетъ надъ техническою.

† В. С. Ремизовъ.

(Рис. Ре—ми).

Порою,—какъ, напимѣръ, въ прекрасномъ *dismoll'* номъ этюдѣ Скрябина,—чувствуется недостатокъ силы и мощности удара. Съ другой стороны, приятно подкулаетъ слушателя мягкое туше, хорошее *pianissimo* и выразительность нюансировки. Лучше всего удалась ему: тема съ вариациями Глазунова, колыбельная Балакирева и его же бравурная лезгинка. Пѣанистъ завоевалъ симпатіи публики и много биссировалъ.

Малехъкая хрохика.

*** Подъ заглавіемъ „Афишесрыватели“ мы получили слѣдующую любопытную замѣтку:

„Къ антрепренеру провинціального театра, на одной изъ первыхъ репетицій предъ открытіемъ сезона, подходитъ господинъ невзрачнаго вида.

— Могу я говорить съ вами полчаса... наединѣ?

— Чѣмъ могу служить?

— Во-первыхъ, я назову себя. Я — представитель негласнаго союза мѣстныхъ афишоровъ. Вѣрнѣе,—въ моихъ рукахъ дѣло расклейки афишъ по городу...

— Позвольте. Я имѣю дѣло съ тремя афишорами, взятыми мной на службу въ этомъ сезонѣ, такъ что...

— Виноватъ. Но кромѣ профессиональныхъ афишоровъ въ число членовъ союза входятъ нѣсколько, такъ сказать, „контръ-афишоровъ“, на обязанности которыхъ лежитъ дѣло, діаметрально противоположное работѣ афишоровъ какъ вашего, такъ равно и другихъ предприятий—т. е. уничтоженіемъ расклеенныхъ афишъ.

— Мнѣ придется обратиться въ судъ.

— Это опять-таки не мѣняетъ сути дѣла. Нашъ союзъ располагаетъ достаточными средствами для уплаты штрафа за своихъ членовъ. Кромѣ того, онъ имѣетъ непосредствен-

ную связь съ клакерами и группой, такъ называемыхъ, барышниковъ. Однимъ словомъ, вамъ необходимо признать наше существованіе и постараться придти къ мирному и полюбовному соглашенію... Вотъ вы выпустили полтысячи театральныхъ объявленій. До начала сезона еще далеко. Теперь представьте себѣ, что завтра большинство этихъ афишъ будетъ сорвано самымъ безжалостнымъ образомъ, а наименьшая часть будетъ заклеена другими афишами. Послѣ анонса вы выпускаете вашу первую афишу,—съ ней повторяется та же исторія. И это на людныхъ мѣстахъ, не говоря уже объ окраинахъ. Имѣйте въ виду, что здѣсь городскихъ кіосковъ нѣтъ, афиши клеятся на заборахъ. Можетъ явиться вполнѣ основательное предположеніе, что домовладѣльцы сами противъ расклейки на ихъ заборахъ. А вѣдь вы, я думаю, сами понимаете значеніе афиши для театра. — Поэтому нашъ союзъ предлагаетъ вамъ придти къ взаимному соглашенію и гарантируетъ вамъ, за извѣстное въ нашу пользу вознагражденіе, полную неприкосновенность вашихъ афишъ. Завтра я найду за окончательнымъ отвѣтомъ, а пока могу указать вамъ на то обстоятельство, что двѣ афиши на дверяхъ театра, а равно какъ и нѣсколько ближайшихъ къ театру афишъ, уже сорваны (любезно): само собой разумѣется чрезъ нѣсколько часовъ эта пробная манифестация будетъ исправлена средствами нашего союза. Честь имѣю...

Незнакомецъ удаляется.

Антрепренеръ невольно заглянулъ въ окно конторы. На противоположномъ заборѣ висѣли жалкіе обрывки анонса“.

В. Викторскій.

*** Въ „Вятской рѣчи“ напечатано слѣдующее письмо въ редакцію:

„Позвольте мнѣ, какъ вятичу, принести посильную помощь вашей газетѣ—я знаю, какъ читающая публика нуждается въ вашемъ печатномъ органѣ. Прилагаю при семъ 200 (двѣсти) рублей. Артистъ Федоръ Шалапинъ“.

*** Относительно пьесы „Дни нашей жизни“ Л. Андреева „Орловская Жизнь“ дѣлаетъ интересное заявленіе: „Многіе изъ присутствовавшихъ въ зрительномъ залѣ, именно его (т. е. автора, который какъ извѣстно, орловецъ), товарищи по гимназии и университету, легко могли догадаться, кто скрывается подъ вымышленными именами героев“.

. Сотрудникъ „Нов. Врем.“ интервьюировалъ Сару Бернаръ. Интервью какъ интервью. Пожалуй, немножко умнѣе обыкновеннаго. Беремъ слѣд. нѣсколько строкъ о „новѣйшихъ теченіяхъ“.

„Вы хотите знать мое мнѣніе о Метерлинкѣ и его послѣдователяхъ? Метерлинкъ человѣкъ одаренный и въ его пьесахъ вы чувствуете поэзію, но изъ его школы, какъ вообще изъ всего новаго, созданнаго за послѣднее время, врядъ-ли что-нибудь выйдетъ серьезное, великое. Все это потуги, исканія, и мнѣ думается, что удѣлъ новаторовъ—пройти почти безслѣдно. Ничего выдающагося, сильнаго, что охватило-бы душу зрителя, артиста и оставило-бы долгій слѣдъ... Благодаря этому направленію въ театрѣ, мы не видимъ выдающихся, большихъ артистовъ. Много талантливыхъ людей, умныхъ актеровъ, но большихъ дарованій я не вижу, и въ этомъ я виню новѣйшія теченія на сценѣ, которыя мѣшаютъ артистамъ развиваться, портя часто ихъ вкусъ и дѣлаютъ ихъ лишь послушнымъ орудіемъ авторовъ“.

Слова, заслуживающія полнаго вниманія. Впрочемъ, что же говорить, если Метерлинкъ прямо требуетъ „куколь“, вмѣсто актеровъ, а разные „художественные“ театры, по мѣрѣ возможности, это стремятся выполнить?

*** Въ „Нов. Руси“ находимъ курьезное интервью съ кievскимъ губернаторомъ графомъ Игнатьевымъ, въ которомъ г. администраторъ коснулся, между прочимъ, и инцидента съ г. Ярцевымъ.

— Инцидентъ съ Ярцевымъ, кажется, уже ликвидированъ. И публика, и артисты, и журналисты, какъ будто, успокоились. Долженъ сказать, что и съ самаго начала здѣсь были большія преувеличенія, и журналистъ Ярцевъ въ своихъ рецензіяхъ можетъ быть и дѣйствительно переоцѣнивалъ въ отрицательную сторону достоинства труппы. Правда, теперешняя труппа далеко не то, что было при покойномъ Соловцовѣ, когда все было стройно, красиво и талантливо, но все-таки имѣются и теперь хорошія силы въ труппѣ и рѣзкаго осужденія такая труппа, разумѣется, не заслуживаетъ. Инцидентъ этотъ административныхъ хлопотъ никакихъ (?) не вызвалъ и все обошлось благополучно.

Самое поучительное это—что изъ-за столкновенія рецензента съ актерами могли быть „административныя хлопоты“!..

*** Мы какъ-то уже упоминали о томъ, что артистъ бакинской труппы г. Агаревъ выбралъ для своего бенефиса пьесу мѣстнаго автора „Скрипку“. „Мы не можемъ понять, пишетъ „Бак. Эхо“, участія „скрипки“ въ разбираемой драмѣ. Эта „скрипка“ между тѣмъ пронизываетъ всю пьесу съ начала до конца, она преслѣдуетъ зрителя въ продолженіи всей пьесы. Въ наиболѣе захватывающія мгновенія—герой или героиня обязательно сводятъ разговоръ на „скрипку“.

Что-жъ—скрипка, такъ скрипка. Инструментъ недурной. Но что не хорошо, такъ это то, что пристрастіе г. Кручи-

нина и его режиссера г. Янова къ музыкѣ принимаетъ подчасъ странныя формы. Въ „Каспи“, напр., читаемъ: „Пора администраціи убрать куда-нибудь кошку, которая въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ безпрестанно мяукаетъ гдѣ-то за кулисами“.

По провихціи.

Казань. Намъ пишутъ: Дѣла оперной труппы въ общемъ идутъ недурно. Изъ событій театральной жизни слѣдуетъ отмѣтить постановку „Вильгельма Телля“ и „Гензель и Гретель“. Заглавные роли исполняли: Гретель г-жей Бобровой, создавшей очаровательный образъ, г-жа Левшицкая—недурный Гензель. Прошелъ рядъ бенефисовъ: г. Борисенко—„Жидовка“, г-жи Бобровой—„Манон“, г. Чарова—„Травіата“, съ г-жей Бобровой въ заглавной партіи, г-жи Пасхаловой—„Миньонъ“.

Поставлена новая опера „Латинскій кварталъ“, прошли двѣ оперетки „Ночь любви“ и „Веселая вдова“.

Составъ труппы пополнили г-жей Корсаковой—меццо-сопрано. Оперные спектакли заканчиваются 30 ноября.

Кіевъ. Къ г. Дувану на будущій сезонъ подписалъ артистъ одесск. гор. театра г. Павленковъ.

— Еще о дѣлѣ Ленской. Въ мѣстныхъ газетахъ находимъ описаніе процесса Ленской. Камера мирового судьи еще съ утра наполнилась разношерстной толпой. Среди группы свидѣтелей идетъ „обмѣнъ мнѣній“.

— Что-жъ тутъ особеннаго—возмущается какая-то дама,—экая невидаль: большое декольтѣ и... ноги!

Около часу, сопровождаемая цѣлой толпой офицеровъ, студентовъ, опереточныхъ артистовъ и молодыхъ людей весьма неопредѣленнаго общественнаго положенія появляется „сама“ г-жа Ленская.

Услужливые кавалеры предлагаютъ г-жѣ Ленской стулъ.

Она садится... стулъ трещитъ, ломается и артистка на полу. Общій хохотъ, шумъ и смятеніе.

Когда все успокаивается, судья объявляетъ, что дѣло будетъ слушаться при закрытыхъ дверяхъ.

Кто-то изъ „свѣдущихъ“ передаетъ, что къ слушанію дѣла могутъ быть допущены родственники обвиняемой. И вотъ черезъ нѣсколько минутъ у Ленской оказывается большая родня: многие спѣшатъ назваться ей родственниками.

Сущность дѣла состояла въ томъ, что необходимо было установить наличность „безстыдныхъ дѣйствій, соединенныхъ съ соблазномъ“. Защита и нѣсколько свидѣтелей—артистовъ и артистокъ, настаивала на томъ, что „все было въ обычныхъ рамкахъ“.

Приговоръ судьи уже извѣстенъ читателямъ.

Въ связи съ этимъ процессомъ опубликованъ приказъ по кіевской полиціи: „Гастролирующая нынѣ въ театрѣ „Бергонье“ опереточная труппа Кубанскаго, исполняя на сценѣхъ разнаго рода пьесы, въ особенности легкаго жанра, какъ-то: оперетты, фарсы, обзорныя и тому под., не рѣдко допускаетъ отступленія отъ цензурован. текста, позволяя въ однихъ случаяхъ разыгрывать исключенныя цензурою мѣста, а въ другихъ—добавлять отъ себя цѣлыя сцены и читать всякаго рода куплеты, не бывшіе вовсе въ разсмотрѣннй драматической цензуры. Помимо того, нѣкоторые артисты, при исполненіи своихъ ролей, позволяютъ себѣ совершенно недопустимые съ точки зрѣнія нравственности и выходящіе изъ предѣловъ приличія жесты и тѣлодвиженія. Въ виду этого вновь предлагаю участковымъ приставамъ и вообще всѣмъ чинамъ полиціи, назначаемымъ въ наряды, имѣть строгое наблюденіе за представленіями въ театрѣ „Бергонье“.

Мелитополь, Тавр. губ. Намъ пишутъ 19-го ноября украинская труппа П. В. Прохоровича закончила свои спектакли. Всего съ 15-го октября по 19-ое ноября было дано 39 спектаклей (съ дневными) и взято на кругъ около 150 руб. валового сбора. Отсюда труппа уѣхала въ Армавиръ. За день до окончанія спектаклей, скончался послѣ операціи управляющій труппы И. З. Фельдманъ. Послѣ покойнаго осталась жена.

Л. Л. Ямпольскій.

Нахичевань-на-Дону. Труппа, во главѣ съ антрепренеромъ Н. Н. Стояновымъ и режиссеромъ И. Е. Шуваловымъ, на страницахъ мѣстныхъ газетъ называетъ поступокъ г. Покорскаго, заявившаго со сцены публикѣ о томъ, что онъ не можетъ играть, потому что голоденъ, безтактнымъ, не имѣющимъ подходящаго названія уже по одному тому, что выкрикнутыя имъ слова не соответствуютъ дѣйствительности, такъ какъ г. Покорскій получилъ почти сполна (безъ 33 коп.) все жалованье, которое ему причиталось по послѣдній срокъ уплаты, т. е. по 12 ноября с. г., о чемъ имѣется въ книгѣ жалованья его собственноручная росписка.

Г. Покорскій до вышеописаннаго случая уже пытался также сорвать спектакль, отказавшись передъ началомъ спектакля пьесы „Дважды-два-пять“ играть, мотивируя свой

отказъ тѣмъ, что ему былъ вывѣшенъ, и вполне законно, штрафъ за невку на репетицію и только еле-еле удалось уломать его, прибѣгнувъ, волей-неволей, къ содѣйствію полиціи.

А вотъ иное освѣщеніе этого инцидента, какъ его описываетъ „Приаз. Край“. „Да, дѣйствительно спектакль былъ сорванъ г. Покорскимъ. Но почему же вся тяжесть обвиненія пала только на него? Вѣдь слова г. Покорскаго ясно доказали намъ, въ какомъ положеніи находятся дѣла названнаго театра. Артисты просятъ денегъ—ихъ нѣтъ. За нѣсколько дней до этого инцидента обнаружилась и вся „энергичная“ дѣятельность кассира театра, продававшего билеты по двумъ книжкамъ и этимъ самымъ „заработавшаго“ кругленькую сумму.

Въ злуполучный день г. Покорскій попросилъ передъ спектаклемъ денегъ и, получивъ отказъ, въ свою очередь заявилъ, что тогда онъ не будетъ играть. Можетъ быть, дѣло этимъ и кончилось-бы, если-бы дирекція не составила анонса въ томъ смыслѣ, что „спектакль отмѣняется по винѣ г. Покорскаго, въ *неподобающемъ* видѣ явившагося въ театрѣ и отказавшагося играть“. Что-же оставалось дѣлать г. Покорскому, когда ему передали содержаніе анонса, гдѣ все обвиненіе падало только на него одного? Неужели-же молчать, признать себя виновнымъ и выгородить дирекцію?

И онъ вышелъ къ публикѣ и, предупредивъ о томъ анонсѣ, который заготовила дирекція, объяснилъ положеніе, въ какомъ находится труппа.

Когда дѣло пошатнулось, г. Стояновъ всю кассу сдалъ въ распоряженіе актеровъ, и себѣ оставилъ только... свое имя, т. е. все-таки остался хозяиномъ дѣла. Артисты, однако, обрадовались и этому и, выбравъ отъ себя уполномоченныхъ, а именно г-жу Сабаньскую и гг. Шувалова и Татаринова поручили имъ кассу и все веденіе дѣла.

Но и тутъ имъ не посчастливилось, ибо кассу почти каждый день стали описывать и актерамъ, понятно, ничего не попадало.

Дирекція нахичеванскаго театра перешла въ другія руки, жалованье артистамъ уплачено сполна.

Изъ состава труппы вышли: г-жа Тимина, гг. Покорскій, Полановъ и Грибенскій, г-жа Линская и главный режиссеръ И. Е. Шуваловъ. Вновь приглашены г. Матвѣевъ (герой-резонеръ) и Верстовскій (драматическій любовникъ).

Н.-Новгородъ. Коммисія изъ педагоговъ среднихъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣвъ репертуаръ нижегородскаго театра, признала нежелательнымъ посущеніе учащейся молодежью новой пьесы Л. Андреева „Дни нашей жизни“.

Одесса. За истекшій полумѣсяцъ (съ 15 по 29 ноября) въ городскомъ театрѣ взято 13,000 руб., что при 14 спектакляхъ составляетъ 930 руб. на кругъ. За третій мѣсяцъ (съ 30 октября по 29 ноября) взято 23,000 руб. Поддержали главнымъ образомъ „Дни нашей жизни“, сдѣлавшіе за 7 спектаклей 8,400 руб. Въ общемъ мѣсяцъ закончили съ значительнымъ дефицитомъ.

— Въ театрѣ Сибирякова Великимъ постомъ и на Св. недѣлѣ будетъ играть оперетка С. Н. Новикова, подвизающаяся нынѣ въ „Пассажѣ“ въ Петербургѣ, а на Өминой недѣлѣ фарсъ С. Ө Сабурова.

Заинтересовала публику пьеса мѣстнаго журналиста Ал. Вознесенскаго „Хохотъ“, шедшая въ бенефисъ г-жи Юреновой. Старый театраль въ „Од. Нов.“ констатируетъ, что въ общемъ пьеса успѣха не имѣла.

Орелъ. „Орл. Вѣстн.“ не одобряетъ выборъ г-жей Малаксіановой для ея бенефиса пьесы „Мадамъ Санъ-Жень“ и вотъ почему:

„Сарду, это не Мольеръ, и его пьесы въ русскомъ переводѣ теряютъ очень много“. Мотивировочка!..

Рѣдкій успѣхъ. Въ гор. театрѣ 30-го ноября шла въ 4-й разъ пьеса „Тетенькинъ хвостикъ“.

Ростовъ-на-Дону. На дняхъ дежурнымъ помощникомъ полицейскаго пристава былъ составленъ протоколъ по поводу поздняго окончанія спектакля въ ростовскомъ театрѣ. Антрепренеръ Соболичковъ-Самаринъ, которому былъ предьявленъ протоколъ, виновнымъ въ затяжкѣ спектакля призналъ не себя, а автора шедшихъ въ тотъ вечеръ „Трехъ сестеръ“, покойнаго А. П. Чехова, создавашаго столь длинную пьесу, что исполненіе ея безъ урѣзокъ, на какия онъ, Соболичковъ, не могъ рѣшиться, требуетъ составленія полицейскаго протокола.

Саратовъ. Оперные спектакли въ городскомъ театрѣ открылись 3 декабря.

Съ 3 декабря возобновились въ театрѣ Очкина драматическіе спектакли труппы Скуратова. Труппа кореннымъ образомъ обновляется, вновь приглашенные артисты съѣдутся къ 6—7 декабря. Сезонъ возобновляется пьесой Шоломъ Аша „Вогъ мести“.

Малороссы окончили свои гастроли бенефисомъ А. Ф. Шатковскаго. Изъ Саратова малороссы ѣдутъ въ Самару. Въ общемъ дѣла у малороссовъ въ Саратовѣ были недурны.

Таганрогъ. Съ 6-го декабря въ гор. театрѣ начинаются спектакли драматической труппы С. И. Крылова.

Тифлисъ. По словамъ мѣстныхъ газетъ, въ недалекомъ будущемъ, въ Тифлисъ организуется еврейское драматическое

общество. Оно будетъ имѣть свою постоянную труппу для периодической постановки спектаклей на еврейскомъ языкѣ какъ въ Тифлисѣ, такъ и въ другихъ городахъ Кавказа.

Тифлисъ. Въ театрѣ груз. дворянства съ 20 декабря открылись спектакли труппы „Новаго театра“ Л. В. Яворской, прїѣхавшей сюда изъ Батума.

— Несчастный случай съ оперной артисткой г-жей Викшемской, 23 ноября на представленіи оперы „Заза“ въ казенномъ театрѣ, когда въ концѣ 1-го дѣйствія г-жа Викшемская вышла на авансцену, занавѣсъ упалъ и одна изъ гирь ударила артистку въ правый високъ такъ сильно, что г-жа Викшемская безъ чувствъ упала тутъ же, обливаясь кровью. Одновременно кончилось и 1-е дѣйствіе. Въ зрительномъ залѣ никто не зналъ, что происходило на сценѣ до тѣхъ поръ, пока администрація не объявила, что, вслѣдствіе несчастья съ г-жей Викшемской, спектакль не можетъ продолжаться и деньги будутъ возвращены.

Харбинь. Въ Харбинѣ застрѣлилась изъ револьвера шестнадцатилѣтняя артистка фузядянского театра Си-цай-фэнъ. Причиной самоубійства было безвыходное матеріальное положеніе вслѣдствіе закрытія по случаю національнаго траура всѣхъ театровъ въ китайской имперіи на 3 года.

Харьковъ. 2-го декабря въ бенефисъ М. П. Славичъ была поставлена новая пьеса, веселая комедія „Тетенькинъ хвостикъ“. На этой же недѣлѣ въ 12-й разъ сдѣлала сборъ „Казенная квартира“ В. Рышкова.

— Драматическая труппа А. И. Соколовскаго ѣздила на два спектакля въ Сумы. Поѣздка оказалась очень удачной, за два спектакля взято болѣе 600 р. Шли пьесы: „Ихъ четверо“ и „Всѣхъ скорбящихъ“.

— Вновь организованное оперное товарищество 30-го ноября открыло спектакли. Въ обезпеченіе полученія оркестромъ, хоромъ, балетомъ полнаго жалованья, полиціей-мейстеромъ ежедневно будетъ вычитываться изъ сбора опредѣленный процентъ.

— Со 2-го дня праздниковъ Рождества въ Маломъ театрѣ начнется представленіе опереточная труппа С. И. Крылова. Оперетка проработаетъ до поста.

— Съ 6-го по 12-ое декабря въ театрѣ Грикке будутъ гастролировать бр. Рафаилъ и Робертъ Адельгеймъ.

Челябинскъ. Намъ телеграфируютъ: „Томская труппа дирекціи Каширина имѣетъ большой матеріальный и художественный успѣхъ. Труппа остается въ Челябинскѣ до Рождества“.

Кинематографъ *)

У кинематографа есть свои легенды, свои баллады, свои комедіи, драмы, идилліи, фарсы. Онъ сочинитель повѣстей и разсказовъ и выступаетъ предъ публикой какъ поэтъ, драматургъ, лѣтописецъ и романистъ.

И, замѣтите, всѣ признаютъ въ немъ именно поэта и драматурга и любятъ его именно за его творчество. Сколько угодно просмотрите кинематографическихъ афишъ,—изъ десяти номеровъ программы только одинъ, много два,—обычно бываетъ посвященъ какому-нибудь подлинному событію или подлинному виду природы. Все остальное—фантастика, мечта, вдохновеніе, художество,—и въ прежнее время было бы представлено на сценѣ или написано на бумагѣ, а теперь только въ видахъ удобства перенесено на кинематографическій экранъ.

Кинематографъ есть, такимъ образомъ, особый видъ литературы и сценическаго искусства, и наша литературная критика, которая теперь занимается чуть-ли не однимъ только «Санинимъ», поступаетъ весьма опрометчиво, прпуская такіе шедевры кинематографа, какъ «*Вънѣ тебѣ*», «*Любовь въ булочной*» и «*Приключенія съ цилиндромъ игрока*».

Нѣтъ, русская критика и русская публицистика должны все свое вниманіе обратить на эти произведенія, и изучить ихъ съ такой же пристальностью,

какъ нѣкогда изучали «Отцовъ и дѣтей», «Подлиповцевъ», «Наканунъ», «Что дѣлать».

Правда, всѣ эти вещи созданы за границей, и если какую идеологію выражаютъ, то, казалось-бы, не русскую, а заграничную. Но въдѣ и Гегель, и Дарвинъ, и Ницше, и Марксъ, и Золя, и Ведкинъ тоже выражали тамошнюю заграничную идеологію, но развѣ это помѣшало каждому изъ нихъ создать въ русскомъ обществѣ по бурнѣйшему и сильнѣйшему теченію? Нѣтъ, для русскаго всечеловѣка, *citoyen'a du monde*, кинематографъ сталъ такимъ же роднымъ, почти національнымъ явленіемъ, какими послѣдовательно были для него гегельянство, дарвинизмъ, марксизмъ, ницшеанство. Развѣ Метерлинкъ и Кнутъ Гамсунъ—не русскіе нынче писатели? Точно тоже и кинематографъ,—и кто хочетъ хоть что-нибудь понять изъ того, что творится сейчасъ въ Россіи, пусть заброситъ газеты и журналы, и сію же минуту идетъ посмотрѣть «*Внѣ тебѣ*».

Вся беллетристика кинематографа распадается на нѣсколько группъ. Есть произведенія фантастическія, то-есть такія, гдѣ посредствомъ комбинаціи фотографическихъ снимковъ, на экранѣ воочію является то, что въ жизни совершенно невозможно. Есть произведенія комическія, которыя исполняются подъ веселую музыку, и есть произведенія мелодраматическія, которыя исполняются подъ очень грустную музыку. Есть еще одинъ родъ произведеній,—я-бы ихъ назвалъ произведеніями «азартными»,—о нихъ не упоминается ни въ одной теоріи словесности. Это самобытное созданіе кинематографа. Всѣми этими четырьмя группами мы и займемся теперь.

Начнемъ съ произведеній комическихъ.

Шелъ прохожій, задумался, а маляръ мазнулъ ему лицо вохрой, а мальчишка облилъ его изъ пожарной трубы водой, а школьникъ подставилъ ему ножку, а кухарка разбила на головѣ у него тарелку, а лакей зацѣпилъ его шваброй,—и все это очень смѣшно.

Кого-нибудь бьютъ, или кто-нибудь хлопнулся о землю и больно ушибся, или вышла какая-нибудь пуганица, неразбериха, галиматья—вотъ источники кинематографическаго смѣха—и, нужно замѣтить, единственные. И, должно быть, смѣяться этимъ смѣхомъ есть теперь страшная потребность, если теперь на Руси всѣ какъ есть города, домъ черезъ домъ, усѣялись кинематографами. «Продѣлка сумасшедшихъ» здѣсь тоже считается комической картиной. Сумасшедшіе ѣдятъ мыло, сталкиваются въ воду какую-то женщину, выпиваютъ кварту бензина. Можетъ быть это и смѣшно для жителей Сандвичевыхъ острововъ, но для насъ безъ кольца въ носу очень страненъ такой комизмъ въ пятьдесятъ лошадиныхъ силъ. Однако онъ-то, очевидно, и нуженъ людямъ, разъ они такъ стремительно бѣгутъ къ нему. Ни Диккенсъ, ни Чеховъ, ни Теккерей, ни Гоголь не властны были-бы ихъ разсмѣшить: имъ нуженъ расквашенный носъ, или шишка на лбу, или кастрюля, надѣтая вмѣсто шляпы,—тогда они будутъ смѣяться до коликъ.

Кто же они такіе, эти странные, намъ неизвѣстные люди, столь неожиданно заявившіе о себѣ? Почему мы доселѣ даже не догадывались о нихъ? Я знаю, ихъ принято называть мѣщанами, но въдѣ это невѣрно, въдѣ мѣщане передъ ними гиганты, мѣщане передъ ними Прометеи, и развѣ у Передонова было кольцо въ носу? Нѣтъ, чѣмъ ругать мѣщанъ, подите лучше въ кинематографъ.

Мы только что видѣли источники его смѣха, посмотримъ теперь, гдѣ источники его слезъ.

Что знаетъ кинематографъ о трагедіи, о стра-

*) Отрывокъ изъ обширной статьи К. И. Чуковского «Натъ Пинкертонъ и современная литература», которая появится въ «Альманахѣ», издаваемомъ ред. «Театра и Искусства».

Александринскій,
театръ.

„Вожди“.

Бритневъ (г. Ге).
Рис. М. Слѣпьяна.

у него есть человѣчество, и отечество, и эвдемонизмъ, и гедонизмъ, и имманентная философія. Здѣсь же никакихъ словъ, здѣсь полнѣйшая неприкрытость и нагота. Безо всякихъ фиговыхъ листьевъ впервые во всеуслышаніе заявлено: счастье—это серебряный рубль. Тутъ уже не отечество и не человѣчество, тутъ самъ Богъ завѣдуетъ серебряными рублями и, если увидитъ праведника, то сейчасъ же посылаетъ къ нему ангела съ кошелькомъ или, по крайней мѣрѣ, съ банковымъ чекомъ. Иногда этихъ ангеловъ замѣняетъ въ кинематографѣ полиція. Правда, у полицейскихъ нѣтъ крыльевъ, но вѣдь это не такъ существенно. Попробуйте, найдите въ кинематографѣ хоть три картины подрядъ, гдѣ полисмены, шуцманъ, городовые, констэбли, сержанты не были-бы героями, спасителями, избавителями отъ мукъ, устроителями всякаго блаженства. Если вы потеряли деньги, съ улыбкой принести ихъ шуцманъ обратно. Если къ вамъ забрался въ квартиру воръ,—смотрите, шуцманъ уже мчится

стяхъ и страданіяхъ души человѣческой? Вотъ онъ выводитъ предъ нами полуголю, изсохшую женщину, съ нею шестеро изсохшихъ дѣтей, они десять дней ничего не ѣли,—она несомнѣнно несчастна.

Она несчастна, пока не найдетъ въ лѣсу пачку кредитныхъ бумажекъ, потерянныхъ ея квартирнымъ хозяиномъ, который выгналъ ее на морозъ. Тогда она несомнѣнно будетъ счастлива, а квартирный хозяинъ несчастливъ. Но найдя кредитныя бумажки,—она свято снесетъ ихъ въ полицію, и тогда уже всѣ будутъ счастливы,—и она, и хозяинъ, и полиція. Восхитительна простота этой философской системы.

Ужасно также тонуть, падать съ крыши, быть зарѣваннымъ или обокраденнымъ, и больше ничего на землѣ нѣтъ ужаснаго! Обойдите всѣ кинематографы въ мірѣ, посмотрите сколько хотите кинематографическихъ картинъ, вы все же никогда не поймете, о чемъ же вѣка и вѣка рыдали народныя пѣсни, откуда та молитва о чемъ-то невозможномъ, безсмертномъ, далекокомъ, утраченномъ, которая такъ явно слышится сердцемъ въ русскихъ, въ ирландскихъ, въ еврейскихъ и финскихъ мелодіяхъ. Будда и Магометъ, Платонъ и Шекспиръ—всѣ мудрѣйшіе и проникновеннѣйшіе въ мірѣ,—всѣ утопіи и взысканія градовъ, всѣ они заблуждались о человѣческомъ счастьѣ, и одинъ кинематографъ знаетъ истину: счастье—это серебряный рубль.

Нѣтъ, какъ хотите, это не мѣщанство. Мѣщанство многого стыдится и не все заявляетъ вслухъ. Здѣсь же такая прелестная откровенность, что-то юное и даже дѣвственное. Мѣщанство знаетъ разныя слова, и за ними ежеминутно готово спрятаться,

по лѣстницѣ. Онъ всемогущъ, вездѣсущъ и праведенъ. Кажется, онъ могъ-бы, еслибъ хотѣлъ, воскрешать мертвецовъ и цѣлить слѣпороджденныхъ, и не дѣлаетъ этого потому, что считаетъ ниже своего достоинства

Вотъ религія и міеология кинематографа. Посмотримъ теперь на его поэзію, ибо, повторяю, онъ не только философъ, но и поэтъ,—и безпрестанно влечется къ фантастическому.

Я люблю эти сказки кинематографа. Вотъ струится зеленая вода и тянутся длинныя водоросли, юркія рыбы сверкаютъ чешуей, вокругъ лежатъ огромныя раковины. Передъ нами морское дно. И вотъ раскрывается средняя раковина, и изъ нея вырастаетъ роза. Смотрите во всѣ глаза,—роза превращается въ женщину. Въ оранжевомъ трико, довольно пожилая, эта женщина выбѣгаетъ изъ раковины и опытнымъ шагомъ этуали потряхивая бедрами, шествуетъ по дну океана, какъ по сценѣ шато-кабака.

Таперь играетъ матчишъ.

И тотчасъ же съ бѣшеной торопливостью раскрываются всѣ раковины морского дна, и изъ каждой вырастаетъ по розѣ, и розы,—какъ будто того и ждали,—превращаются въ оранжевыхъ, лиловыхъ, пунцовыхъ, коричневыхъ женщинъ, и всѣ онѣ такъ сильно мелькаютъ, что больно глазамъ. Помелькавши, сколько было нужно, онѣ принимаютъ различныя позы. Но не долго сидятъ онѣ въ позахъ: сверху на дно океана спускается водолазъ. Онъ приходитъ въ восторгъ отъ такого сюрприза, и какъ есть въ водолазной аммуниціи, бросается къ дамамъ съ объятіями. Бросился къ пунцовой, та превратилась въ розу; бросился къ лиловой, и та въ розу; къ какой ни бросится, всякая становится огромнѣйшей бумажной розой, и какъ-то очень насмѣшливо качается на своемъ стебелькѣ. Тогда онъ съ горя танцуетъ матчишъ—и пьеса на этомъ заканчивается.

Что мнѣ нравится въ ней, это ея здоровость. Никто не назоветъ подобную пьесу болѣзненной. Напротивъ, нужны бычачьи жилы и лошадиная психологія, чтобы создавать такіе шедевры.

Автору этой пьесы дали такую безмѣрную власть: ты можешь повести насъ на дно океана, ты можешь людей превращать въ цвѣты, ты можешь цвѣты превращать въ людей. И онъ,—съ такою безмѣрною властью,—ничего другого не придумалъ, какъ свести на дно океана кафешантанъ!.. Откуда такое изсякновение мечты? Почему человѣчество, создавшее столько религій и утопій, древнее человѣчество и средневѣковое, все обвѣянное мифами и переполненное легендами, вдругъ дошло до того, что растеряло по какой-то дорогѣ всѣ свои утопіи,

„Вожди“.

Темерницынъ (г. Аполлонскій).

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ.

„Вожди“, кн. А. Сумбатова.
Вершилинъ (г. Юрьевъ).

легенды и миѡы, а когда захотѣло построить ихъ вновь, — ничего, кромѣ матчиша на днѣ океана, обрѣсти въ душѣ не могло? Гдѣ «тысяча и одна ночь» современнаго человѣчества? Переберите всѣ сказки кинематографа. «*Путешествіе на луну*» — раскрываются дверцы луны, и оттуда, пошевеливая бедрами, выходитъ коричневая этуаль, и идетъ по облакамъ, какъ по открытой сценѣ. «*Въ гостяхъ у толмовъ*» — раскрываются дверцы горы и оттуда все той же походкой выходитъ все та же этуаль, но другого цвѣта. «*Сонъ башиачника*», «*Сонъ астронома*», «*Сонъ рыбака*» — она же елици на небеси горѣ, елици на земли низу, елици въ водахъ подъ землею — все та же безнадежная этуаль, все та же невообразимая скудость мечты.

Нѣтъ, это даже не дикари. Нѣтъ, они даже недостойны носовыхъ колець и раскрашенныхъ перьевъ. Дикари — мечтатели, визионеры, у нихъ есть шаманы, заклятья, фетиши, — а здѣсь какая-то мистическая пустота, какая-то дыра небытія. Нѣтъ рѣшительно ничего, и нечѣмъ заполнить это ничто. У устрицы новорожденной, и то фантазія ярче. Такая безумная жажда сказки, и такое неумѣніе создать ее! Даже страшно сидѣть среди этихъ людей. Что если вдругъ они пустятся ржать, или, вмѣсто рукъ, я увижу у нихъ копыта? Мы и не знали о нихъ, мы были безсильны представить себѣ у людей такія нечеловѣческія души, и вотъ эти души сами отпечатались себя — въ кинематографѣ; зафиксировали тамъ навѣки свою устричную фантастику, свой лошадиный смѣхъ и свои крокодиловы слезы. Мы увидели тамъ ихъ религію и ихъ философію.

Но чего мы еще не видали у нихъ — это страсти.

Вѣдь и имъ, даже имъ, нужно что-нибудь, что зажигало бы, поднимало и будоражило душу, имъ тоже нуженъ разливъ страстей, волненіе, кипѣніе, горѣніе въ крови, — но откуда же имъ достать все это, если ангелы и городовые такъ крѣпко охраняютъ ихъ покой, если всякій, кто не падаетъ съ крыши счастливъ, если духовныя и душевныя трагедіи имъ такъ же чужды, какъ и свякимъ другимъ лошадямъ?

Попробуй, сыграй предъ конюшнею «Нору» или «Дикую Утку».

И вотъ остается всего лишь одинъ источникъ сильныхъ душевныхъ эмоцій: *физическая борьба, спортъ, состязаніе тѣлъ*.

И потому какое множество въ кинематографѣ картинъ, гдѣ человекъ убѣгаетъ отъ человека, гдѣ одинъ догоняетъ другого, гдѣ кто-нибудь стремится къ какой-нибудь цѣли, одолевая физическія преграды!

Фальшивомонетчикъ бѣжитъ отъ полиціи; онъ лѣзетъ по крышѣ, полицейскіе за нимъ, онъ катится съ горы, полицейскіе за нимъ, онъ переплываетъ рѣки, озера, моря, океаны — полицейскіе за нимъ, и всѣ они стрѣляютъ и дѣлаютъ другу другу засады, капканы, ловушки, и въ этомъ для публики источникъ величайшаго подъема души.

Шпіонъ бѣжитъ донести на разбойниковъ, разбойники преслѣдуютъ его. Сумасшедшій убѣгаетъ изъ желтаго дома, сторожа преслѣдуютъ его. Женихъ сбѣгаетъ отъ уroda-невѣсты, и ея родня преслѣдуетъ его. Положительно я не видѣлъ въ кинематографѣ, ни одного «сеанса» безъ этой травли одного человека другими людьми. Человѣческая сказка съ препятствіями, вѣчные «Бѣга тещъ» — здѣсь единственная возможность страсти для культурнаго папуаса,

Есть, казалось бы, и другія возможности. Есть, напримѣръ, любовь съ фіалками, бантиками, клятвами на могилахъ. Это наслѣдіе старыхъ мелодрамъ здѣсь тоже усилено до лошадиныхъ порцій, и паточки здѣсь не ведро, не два, какъ было прежде, а цѣлыя сорокаведерныя бочки.

Но паточка не возбуждаетъ страстей.

Есть также — особая, секретныя картины, — альковъ и спальня, и первая ночь. Онѣ почему-то въ неписанной теоріи кинематографической словесности зовутся «французскимъ жанромъ». Но онѣ рѣдки, ихъ всюду запрещаютъ, и потому, повторяю, для культурнаго дикаря остается единственный источникъ сильныхъ душевныхъ эмоцій: охота людей за людьми.

Всѣ другія волненія не доступны ему — и глаза у него лишь тогда сверкаютъ, и кровь стучитъ, и сжимаются кулаки, когда съ собаками, съ пистолетами, съ дикимъ гиканьемъ и изступленными жестами, одинъ человекъ несется въ погонѣ за другимъ, а тотъ ослабѣваетъ, и обливается потомъ, и замедляетъ шаги, и наконецъ останавливается и попадаетъ въ руки сторожей, или въ руки солдатъ, или въ руки полиціи, или срывается со скалы и разбивается насмерть, или съ прострѣленной головой падаетъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, куда онъ бѣжалъ. Только такія, лошадиныя порціи первобытнѣйшихъ страстей и доступны культурному дикарю, другихъ онъ не знаетъ и не хочетъ, и другихъ кинематографъ не покажетъ ему никогда.

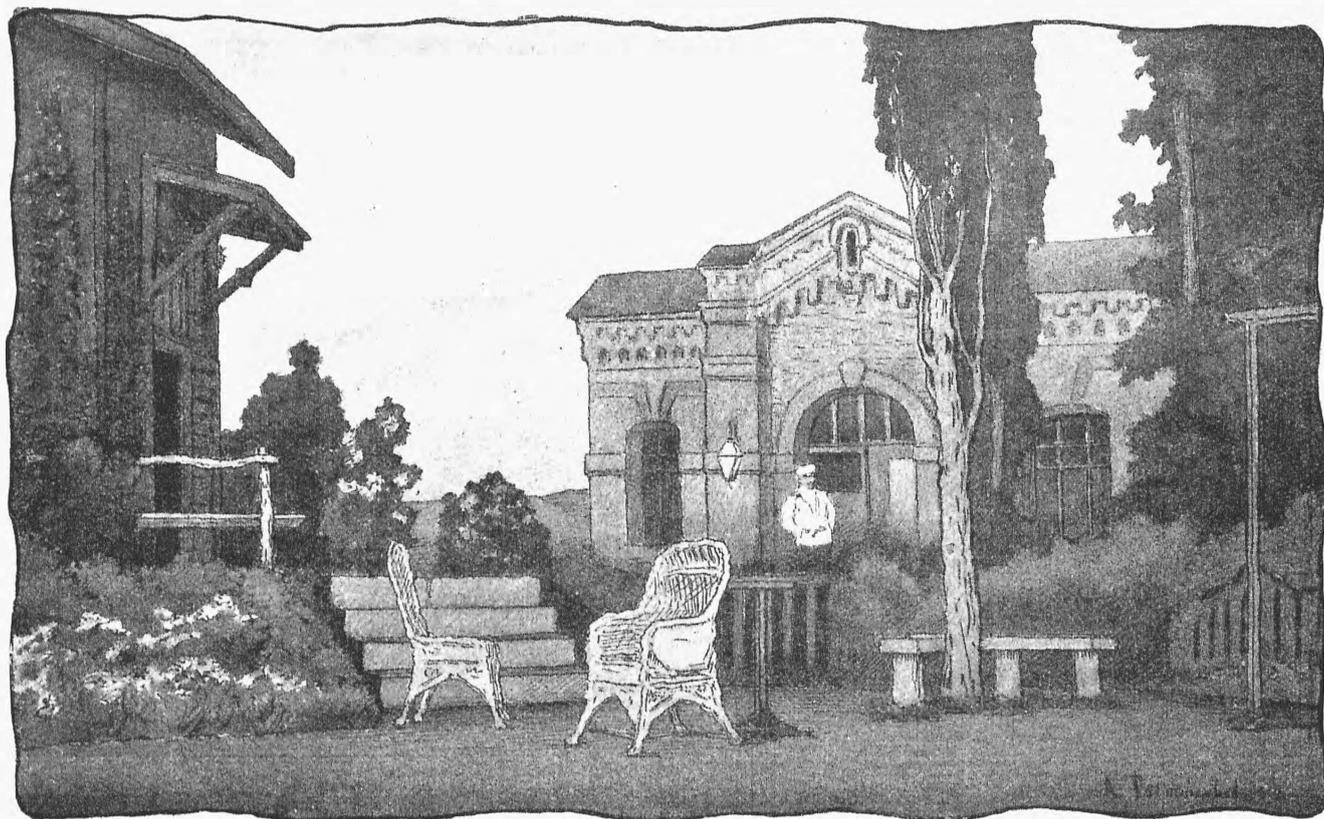
Ибо что такое кинематографъ, какъ не соборное творчество этихъ культурныхъ папуасовъ!

К. Чуковский.

„Вожди“.
Камбоджіо (г. Давыдовъ).

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ

„Вожди“, кн. А. Сумбатова.

Новая декорация 1 и 2 дѣйствія кн. Шервашидзе.

Изъ театральныхъ воспоминаній.

Нильскій—Пронскій—Бурдинъ.

Если Самойлова въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ можно было по справедливости назвать жемчужиной Александринскаго театра, то Нильскій смѣло могъ быть уподобленъ его краеугольному камню. Безъ него не обходилась почти ни одна пьеса; а по тѣмъ днямъ (вторникамъ и четвергамъ), когда давались русскіе спектакли и въ Маринскомъ театрѣ, онъ ухитрялся появляться въ одинъ вечеръ въ обоихъ. Необходимо при этомъ вспомнить, что тогда господствовала система «разовыхъ» (жалованье даже обоюго пола премьеры получали по старымъ штатамъ—1,143 рубля съ копѣйками въ годъ), что за выходъ въ двухъ театрахъ, хотя бы и въ одинъ вечеръ, платили вдвое и что каждый выходъ Нильскаго оплачивался 35 рублями.

Унылый это былъ актеръ. Все у него выходило будто спросонья—бѣсновался ли онъ Иваномъ Грознымъ передъ посломъ Стефана Баторія, или подъ видомъ датскаго принца клялся, что «любилъ Офелію, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ».

— Настоящій покойникъ!

Это было сказано про Нильскаго моимъ сосѣдомъ по мѣсту на представленіи «Смерти Ивана Грознаго», когда царь лежалъ уже мертвымъ,—и это можно было сказать про него же, какъ про актера вообще.

Приѣхавъ въ Петербургъ осенью 1868 года, я сталъ еще на Александринской сценѣ Пронскаго. Вся его сценическая карьера прошла въ исполненіи

ролей «фатовъ», и только на исходѣ ея перешелъ онъ на амплу «резонеровъ». Фатъ онъ былъ прелюхой, но резонеромъ оказался хорошимъ. Особенно удавались ему роли важныхъ чиновниковъ—напримѣръ губернатора въ пьесѣ или, по мѣткому опредѣленію покойнаго Пальма, въ «административно-полицейской фантазіи» Манна «Общее благо».

Главное достоинство Пронскаго заключалось въ его безукоризненномъ тѣлосложеніи и умѣнии носить костюмы. Портные бесплатно одѣвали его, какъ живую рекламу.

Происходя изъ сѣрой купеческой семьи (кажется, калужской), никакихъ иностранныхъ языковъ онъ не зналъ, но любилъ щегольнуть французскимъ «прононсомъ». Такъ, слово *канделябры* онъ произносилъ, дѣлая удареніе на первомъ слогѣ, съ *o* вмѣсто *a* и съ носовымъ *n*: выходило не совсѣмъ хорошо.

«Актеръ, который съ помощью нижней губы и указательнаго пальца можетъ изобразить какія угодно чувства».

Это—Бурдинъ; аттестованъ же онъ такъ не кѣмъ инымъ, какъ Салтыковымъ, помѣщавшимъ одно время театральныя рецензіи въ «Современникѣ» за подписью «М.»

Актеръ былъ дѣйствительно всеобъемлющій. Чего онъ только не игралъ... и не портилъ! А, между тѣмъ, положеніе въ труппѣ занималъ видное. Этому, конечно, въ значительной мѣрѣ способствовала его дружба съ Островскимъ, неизмѣнно, изъ года въ годъ, снабжавшимъ его своими новинками для бенефисовъ, что придавало послѣднимъ исключительно торжественный характеръ и гипнотически внушало публикѣ мысль о томъ, что Александринскому театру безъ Бурдина словно бы и не обойтись.

Кромѣ актерской слабости, побуждавшей Бурдина перебивать роли не только у П. Васильева, но и у Самойлова, онъ страдалъ и другою: любилъ путешествовать и вездѣ оставлять автографы. Въ какомъ-то иноземномъ соборѣ вдѣлана въ полъ плита, а на плитѣ вырѣзана по-французски надпись, гласящая, что такого-то года, мѣсяца и числа на этомъ мѣстѣ императоръ Николай I молился о благоденствіи Россіи. Бурдинъ, будто, какъ увидаль, такъ тотчасъ же и прибавилъ:

«Et Théodore Bourdine aussi».

В. Лихачовъ.

Лохдохскіе хаброски.

Въ одной изъ своихъ корреспонденцій я какъ-то упоминалъ объ интересномъ обществѣ любителей драматическаго искусства, такъ называемомъ «The Incorporated Stage Society», существующемъ въ Лондонѣ, съ 1899 года. Оно ставитъ для своихъ членовъ въ закрытыхъ спектакляхъ пьесы, запрещенныя цензоромъ, или переводныя, такъ какъ по косности англійской публики иностранныя произведенія крайне рѣдко попадаютъ на англійскую сцену.

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось увидѣть въ этомъ обществѣ пьесу изящнаго англійскаго драматурга Эдварда Гарнета: «The Breaking Point»,—въ дословномъ грубомъ переводѣ: «Пунктъ разрыва». И лишній разъ я былъ крайне удивленъ строгостью цензора. Здѣсь сказалось обычное англійское лицемеріе: «дѣлайте, что хотите въ своей внутренней жизни, но не будьте фривольны у всѣхъ на виду, это вамъ никогда не простится»—вотъ лозунгъ англійскаго общества. И нигдѣ общественное мнѣніе не обрушивалось съ такой силой, какъ въ Англии, на отступниковъ отъ общепринятыхъ истинъ и правилъ. Примѣры на лицо, — Оскара Уайльда до сихъ поръ здѣсь не читаютъ, не покупаютъ и не издають, Бернарда Шоу понемногу стали признавать и терпѣть, но пьесы его, включая самые веселые и остроумные фарсы, до сихъ поръ не могутъ войти въ обычный ходовой репертуаръ англійскихъ театровъ... Такова громадная сила общественнаго мнѣнія въ Англии, гдѣ оно формируется въ гостинныхъ величавой «миссисъ Гранди», въ обще-

Сара Бернаръ въ роли Гамлета въ окнѣ уборной.
(Съ англійской иллюстраціи).

ствахъ «національнаго бдѣнія» (National Vigilance Society) и имѣ подобныхъ. Только сегодня я читалъ отчетъ засѣданія одного изъ такихъ обществъ, гдѣ пылкій ораторъ, возставая противъ современнаго безнравственнаго направленія въ искусствѣ, литературѣ и драмѣ, сказалъ, что, когда онъ видитъ и слышитъ хотя-бы только намекъ на что-либо безнравственное, то онъ готовъ растерзать и уничтожить всякое произведеніе искусства, какъ-бы велики его художественныя достоинства ни были! Что подѣлаешь съ такими рыцарями засушенной, замороженной нравственности! Стѣдуя завѣтамъ Козьмы Пруткова, они «бдятъ» и въ этомъ священнодѣйствуютъ... Помню, гдѣ то въ книгахъ г. Діонея я читалъ, что англичане, отдавъ всѣ свои силы на разрѣшеніе вопросовъ политическаго благоустройства, въ сферѣ морали не успѣли разобратъ въ элементарныхъ вещахъ и плетутся далеко сзади,—можетъ быть, это объясненіе и приложимо къ дѣйствительности.

Но обратимся къ драмѣ Гарнета. Онъ трактуетъ старый, престарый для насъ вопросъ о правѣ женщины любить внѣ рамокъ, установленныхъ закономъ. Этого достаточно, чтобы цензоръ поставилъ свое veto. Передъ нами семья погруженнаго въ археологическія изысканія профессора Эльвуда, очень любящаго свою дочь Грѣсъ, которую онъ, держа въ строгости, заваливаетъ работой и заставляетъ ее дѣлать для него скучныя, утомительныя выписки. Профессоръ ничего не знаетъ о душевномъ мірѣ своей дочери и не заботится объ этомъ, считая ее дѣвочкой, ребенкомъ. Между тѣмъ эта дѣвочка успѣла полюбить ихъ сосѣда по имѣнію, соломеннаго вдовца Шеррингтона, отъ котораго когда-то давно ушла жена. Миссисъ Шеррингтонъ, какъ практичная женщина, полагаетъ, что разводъ ей не выгоденъ по нѣкоторымъ матеріальнымъ соображеніямъ, и твердо надѣется когда-нибудь помириться съ мужемъ. Но Шеррингтонъ уже любить Грѣсъ. И вотъ, она — мать. Въ этомъ узелъ драмы,—«breaking point». Тихая, робкая Грѣсъ никакъ не можетъ рѣшиться сказать обо всемъ отцу,—это беретъ на себя ея любовникъ, который заявляетъ профессору о происшедшемъ и о томъ, что они съ Грѣсъ не будутъ болѣе позорно скрываться, а открыто заживутъ мужемъ и женой, такъ какъ въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Пораженный старикъ обрушивается громъ негодованія на соблазнителя и выгоняетъ его вонъ, когда внезапно вбѣгаетъ трясущійся отъ страха старый садовникъ и говоритъ, что Грѣсъ только что бросилась въ прудъ и утонула. Измученная волненіями душа дѣвушки-ребенка не выдержала и покончила счеты съ жизнью. На этомъ драма прерывается. Я спрашивалъ себя, съ какой стороны могла показаться опасной такая пьеса, и получилъ объясненіе на другой день изъ газетъ, которыя нашли, что «нашей молодежи не слѣдуетъ знать о внѣзаконной любви». Какова маниловщина. Можно подумать, что англійская молодежь консервируется на институтскій ладъ.

Драма Гарнета на русской сценѣ покажется наивной, но ея литературныя достоинства неоспоримы; типы живы и очерчены ясно, хотя и нѣжными акварельными красками; слабость дѣйствія компенсируется глубокимъ настроеніемъ. Манера писанія Гарнета слегка напоминаетъ Чехова, которому онъ, разумѣется, далеко уступаетъ.

Въ жертву тому-же англійскому лицемерію принесенъ и Гётевскій «Фаустъ». Я упоминалъ какъ-то раньше о постановкѣ «Фауста» въ His Majesty's Theatre. Остановлюсь теперь на этомъ немного

можно смѣло сказать—не воплотилъ въ себѣ такъ подробнѣе. Старый Бирбомъ Три, исполнившій роль Мефистофеля, можетъ смѣло сказать про себя, какъ директоръ въ прологѣ: «Ich weiss wie man den Geist des Volkes Versöhnt», особеннаго англійскаго «Volki». Въ приложенной къ афишкѣ особой статьѣ, авторъ ея, самъ Три, говоритъ, что главная идея Фауста—борьба добра и зла и спасеніе души оболстителя-мужчины черезъ любовь женщины, которую онъ оболстилъ. Замѣчая, что этимъ онъ сразу становится въ противорѣчіе съ Гёте, авторъ оговаривается, что въ предлагаемой для публики передѣлкѣ «Фауста» Мефистофелю приданы черты мильтоновскаго «падшаго ангела». Такимъ образомъ, философскіе замыслы Гёте отброшены, — предъ зрителями самая простая исторія одной любви и новый преображенный Мефистофель. Авторы передѣлки воспользовались нѣкоторыми намеками у Гёте (въ сценѣ, въ храмѣ и въ тюрьмѣ) на то, что Маргарита виновна въ смерти ея матери, и ввели особую сцену, гдѣ Мефистофель передаетъ Фаусту якобы снотворный, невредоносный порошокъ, который онъ долженъ передать Маргаритѣ, чтобы та подмѣшала въ питье матери; при этомъ Фаустъ нѣсколько разъ освѣдомляется, не ядъ-ли это, но Мефистофель успокаиваетъ его. Впослѣдствіи, къ моменту возвращенія Валентина, горожане, обезпокоенные внезапной смертью матери Маргариты, производятъ у нея обыскъ (sic!) въ ея отсутствіи и находятъ ядъ; на площади, у трупа Валентина, власти наскоро производятъ судъ, солдаты заковываютъ несчастную дѣвушку въ кандалы и тащутъ подъ вопли ея подругъ въ тюрьму. Такимъ образомъ никакого незаконнаго ребенка нѣтъ и не было, Маргарита обвиняется въ убійствѣ матери, и молодежь можетъ смотрѣть постановку Три безъ всякой опасности! Какъ выразилась газета «Daily News», трагедія Гёте превратилась у Три въ пантомиму (въ англійскихъ пантомимахъ все время разговариваютъ), но зато «Миссисъ Гранди» торжествуетъ. Со стороны техники у Три придумана масса кунштштюковъ—летающія вѣдмы и духи на Брокенѣ; бьющее изъ стола вино, превращающееся въ огонь; брызжущее искрами перо, которымъ Мефистофель пишетъ въ альбомъ ученику принимающему его за Фауста; полетъ Фауста съ Мефистофелемъ на Брокенъ,—послѣднее сдѣлао остроумно: они висятъ въ воздухѣ, а кругомъ съ грохотомъ летятъ внизъ всѣ декорации, создавая иллюзію полета; внезапно становящаяся прозрачной стѣна храма, гдѣ видна молящаяся Маргарита и т. д. Все это производитъ впечатлѣніе фокусовъ голыи техники совершенно не согрѣтой вдохновеніемъ. Машинисты забивали артистовъ. Исполненіе артистовъ—обычная англійская декламация—правильное, размѣренное повышение и пониженіе голоса на опредѣленныхъ интервалахъ. Все это нагоняетъ на иностранца непреоборимую тоску и скуку. И прежде всѣхъ въ этомъ повиненъ самъ Три, очень холодный актеръ, въ которомъ декламация совсѣмъ почти заѣла характерность исполненія. Мрачнымъ, замогильнымъ голосомъ произноситъ онъ: «Я хочу зла, но творю добро». Три объясняетъ, что эти слова выражаютъ главную сущность Мефистофеля.

Б. Лебедевъ (Bel-Ami).

Лондонъ 28 ноября.

Сара Бернарть.
(Съ послѣдней фотографіи).

Театральныя замѣтки.

У Зудермана есть фраза: «геніально прожитая жизнь». Ее произноситъ, кажется, Келлеръ,—типичный филистеръ, «мѣщанинъ», и смыслъ фразы явно ироническій. Пожалуй, для русскаго уха есть что-то фальшивое въ выраженіи «геніально прожитая жизнь». Но я понимаю, что это звучитъ по нѣмецки, пожалуй, и по французски,—вообще, на всякомъ языкѣ законченнаго буржуазнаго народа. Жизнь проживается обыкновенно въ высшей степени ordinarily, мелко, узко. Дорога жизни—словно колея, отгороженная высокимъ заборомъ съ обѣихъ сторонъ. И тянется она длинная, прямая, ровная, какъ стрѣла. «Геніально жить» — значитъ жить бурно, страстно, разносторонне, все понять, извѣдать, отъ всего вкусить. Геніально можно не только творить, но и жить—самобытно, не похоже на другихъ, изобрѣтательно, пролагая новыя тропочки черезъ поле жизни.

Сара Бернарть именно геніально прожила свою жизнь. Когда я смотрѣлъ на нее, 64-лѣтнюю, игравшую Маргариту Готье, я, восхищаясь ея паразитическимъ искусствомъ, думалъ именно объ этомъ. Припоминалъ ея біографію, все, что зналъ объ этой замѣчательной женщинѣ, и твердилъ: «она геніально прожила свою жизнь».

Въ ней геніальнѣе, быть можетъ, ея искусство жить, чѣмъ искусство играть. Не красивая, она съумѣла стать красивѣйшей женщиной, вызывавшей «поклоненіе». Еврейка по происхожденію, она стала француженкой до мозга костей, и никто—это черты расы, культуры, какъ она. Все изящное и

благоухающее, что выработала французская нація, она довела до высшей граціи, до высшаго совершенства. Въ этомъ смыслѣ, играя Маргариту Готье, она далеко, можетъ быть, удаляется отъ быта и современности. Нѣтъ, это не «дама съ камеліями» время третьей имперіи. Это скорѣе Нинонъ де-Ланкло — оставшаяся прелестницею до 70 лѣтъ. Она еще вся по ту сторону революціи, въ «старомъ режимѣ». Ее должны окружать не господа во фракахъ, а кавалеры въ кафтанахъ, пудренныхъ парикахъ. Въ этой компаніи, сидящей за столомъ съ приживалкою Прюдансъ, я невольно искалъ саркастическое лицо Вольтера, и когда тутъ произносили «дис», то мнѣ казалось, что вотъ раскроются двери и войдетъ Филиппъ Орлеанскій, регентъ... Развѣ это не гениальность—такъ войти въ шкуру другой расы, сбросить съ себя современность и воплотить изящество старой Франціи? А когда я смотрѣлъ на Сару Бернаръ сзади, когда она, повернувшись спиной къ публикѣ, говорила въ дверь: «скажите графу, что я не принимаю»—я въ страстныхъ линіяхъ этой спины читалъ какъ въ скульптурѣ Родена. Это движеніе спины было воплощеннымъ ритмомъ страсти, охватившей до самозабвенія, глубокой и безвозвратной, какъ дно океана. И здѣсь — однимъ концомъ восходя къ XVIII и даже XVII вѣку, Сара Бернаръ другимъ концомъ уловила искусство XX вѣка.

Она гениально прожила свою жизнь, и въ этой удивительной жизни секретъ ея обаянія гораздо больше, чѣмъ въ ея, конечно, огромномъ сценическомъ дарованіи. Припомните, какъ она дѣлала свою карьеру. Все необычайно, своеобразно, капризно. Вы скажете: здѣсь много рекламы, рассчитаннаго эффекта, риторической преднамѣренности. Пусть такъ. Но и характеръ. Кромѣ творческаго сценическаго таланта, необходимо имѣть еще и «театральный характеръ». За кулисами въ большомъ ходу

УЧЕНИЧЕСКІЙ СПЕКТАКЛЬ ВЪ КОНСЕРВАТОРИИ.

„Виндзорскія кумушки“.
Фальстафъ (г. Пустовойтъ).

Рис. А. Любимова.

это выраженіе—«театральный характеръ». Это что-то особенное, безъ чего самые гениальные задатки не могутъ развиться и явить себя міру въ законченныхъ образцахъ. Изъ всѣхъ этикетовъ, которыми Ростанъ наградила Сару Бернаръ, мнѣ больше всего нравится выраженіе «королева энергіи». Точно, она кипѣла энергіею. Въ ея характерѣ необузданная, и въ то же время твердая рѣшимость; капризь, которому воля придаетъ черты планомѣрности. Вотъ она въ театрѣ «Французской Комедіи». Чего, казалось-бы, еще желать молодой актрисѣ? Но ей «тѣсны предѣлы Македоніи», какъ выразился про Александра отецъ его, Филиппъ. И цѣлый рядъ выходовъ, конфузившихъ строгія стѣны дома Мольера, приводитъ къ тому, что она изъ него уходитъ. Ей не ужиться ни въ одномъ театрѣ. Она слишкомъ самобытна, кипуча, индивидуальна, слишкомъ жадно пьетъ жизнь, чтобы удержаться въ какомъ-бы то ни было театрѣ. Въ «С. Женъ», кажется, кто-то изъ наполеоновскихъ маршаловъ говоритъ: «я самъ—предокъ». Такъ и она—сама театръ, сама—легенда, сама—преданіе. Она заставляетъ говорить о себѣ Парижъ, и слѣдовательно, весь міръ, потому что она царица въ «городѣ свѣточѣ». Пусть здѣсь «ея величество реклама», какъ называетъ Зомбартъ это явленіе нашего вѣка. Но однимъ холоднымъ, рассчитаннымъ стремленіемъ къ рекламѣ этого шума, «бума» объяснить нельзя. Необходима еще и поэзія, фантазія, страшная кипучесть, капризная неуравновѣшенность пылливой, рвущейся ко всему новому, загадочному и сильному, природы. Летать à la Гамбетта на воздушномъ шарѣ, лежать въ гробу, хлестать хлыстомъ, гордо мѣнять любовниковъ и такъ любить взрослого сына—согласимся, что это не такъ обыкновенно, что во всемъ этомъ есть «гений жизни», нѣчто отъ Кина, съ тою разницею, что надъ всѣмъ этимъ—трудъ, энергія, ненасытное самолюбіе.

«Она не устаетъ»—пишетъ г. Бинштокъ въ своей характеристикѣ Сары Бернаръ. Это тайна ея организаціи. Она никогда, въ сущности, не отдаетъ всю себя—ни въ жизни, ни на сценѣ. Кто отдаетъ всего себя—тотъ уже побѣжденъ. Сара Бернаръ не изъ такихъ. Она не отдаетъ себя—она беретъ. Есть сладкое страданіе при творчествѣ и есть гордое и неутолимое исканіе чувственной радости. У А. В. Амфитеатрова въ его «Княгинѣ Настѣ» я встрѣтилъ характерную и мѣткую фразу. Одна изъ дѣйствующихъ лицъ, Таня, говоритъ:

— Вы не знаете, что такое истинное, настоящее утомленіе. Только женщина, родившая новую жизнь, испытываетъ настоящее утомленіе.

Приблизительно таковы эти слова. Дѣйствительно, нужно знать муки родовъ, чтобы понять и извѣдать блаженство утомленія. Такъ и въ творчествѣ художника. Муки рожденія, творящаго новую жизнь, и блаженство усталости. Сара Бернаръ не устаетъ. Отъ чувствительности не устаютъ, отъ страсти — устаютъ чрезвычайно. Поэзія — та же страсть. Быть поэтомъ, хоть бы въ теченіи одной минуты и не устать — невозможно. Но у Сары Бернаръ другое. Поэтъ побѣждаетъ жизнь поэзіею, Сара Бернаръ побѣждаетъ поэзію жизнью. Прежде всего — жизнь. Вотъ ея поэма. Прежде всего гениально прожить жизнь.

Художественныя натуры, въ извѣстномъ смыслѣ, дѣлятся на двѣ группы. Первую назовемъ людьми производимаго впечатлѣнія, вторую — людьми переживаемаго чувства. Такъ въ жизни, такъ въ искусствѣ, и особенно такъ въ театрѣ. Одни думаютъ о томъ, какъ будутъ поняты, восприняты и истолкованы. Они обладаютъ рѣдкою и для успѣха въ высшей степени цѣнною способностью «объективировать» свою художественную работу, т. е. вообра-

зять ее внѣ себя (конечно, относительно) и взирая на нее окомъ наблюдателя, усиливаютъ впечатлѣніе. Отсюда способность подбирать эффекты, располагать цвѣта и краски, принимать соотвѣтствующія положенія, наконецъ, выбирать темы и сюжеты, не по непреоборимому внутреннему къ нимъ влеченію или сродству, а по степени ихъ соотвѣтствія публикѣ. Другой родъ художественныхъ натуръ чисто субъективенъ, и поглощенъ своею внутреннею жизнью. Надо чувствовать, и въ этомъ блаженство, и правда, и красота. Одновременно чувствовать и быть свидѣтелемъ своихъ чувствъ... Вотъ гдѣ, собственно говоря, ключъ извѣстнаго парадокса Дидро объ актерѣ.

Мнѣ думается, что натуры второго рода именно жить не умѣютъ, что онѣ порабощены жизнью, будучи пассивными по существу.

Сара Бернаръ, наоборотъ, активна и дѣйствительна. И жизнь соотвѣтствуетъ сценѣ. Она завоевываетъ жизнь, захватываетъ сцену. Она подчиняетъ. Она приказываетъ. Она не разбиваетъ своего сердца, не разбиваетъ сердце публики, но въ то же время она умѣетъ побѣждать. У нея, въ ея личной жизни, нѣтъ ничего подобного, положимъ, роману Дуэ съ д'Анунціо, но и въ ея сценическихъ триумфахъ, въ прелести ея игры также не бываетъ того, что знаетъ Дуэ: когда вырываетъ свое сердце и бросаешь публикѣ, и по рядамъ проносится молитва и стонъ великаго состраданія.

Величайшее искусство Сары Бернаръ — это все-таки ея искусство жизни — ея *savoir vivre*. Вотъ, на примѣръ, «Дама съ камеліями». Я видѣлъ Сару Бернаръ въ этой роли лѣтъ, должно быть, 15 назадъ. Очень хорошо помню ее тогда, и сравниваю съ тѣмъ, какъ она играетъ Маргариту Готье теперь. Разница очень большая и чувствительная. Въ то время (не говорю уже о приподнятости театрального тона) Сара Бернаръ прежде всего подчеркивала социальный типъ Маргариты Готье. Ее поглотила профессія. У нея это вошло въ плоть и кровь. Она выдрессирована и специализирована. Натура, запросы души, влеченія сердца — все это приобработало совершенно особыя черты и свойства, именно черты и свойства социального типа. Насколько это смягчено и видоизмѣнено теперь! Инстинктомъ женщины, которая умѣла жить, потому что умѣла повелѣвать жизнью, она поняла, что въ 64 года неблагоприятно играть кокотку и сосредоточивать вниманіе на профессіи прелестницы. И она отодвинула именно социальныя черты на задній планъ, а подчеркнула общечеловѣческія.

Исторія разбитаго сердца или *es ist eine alte Geschichte doch bleibt sie immer neu...*

Какой нуженъ тактъ, какое необходимо чутье, какъ тонко надо разбираться въ жизни и какъ познать себя, чтобы въ 64 года играть Маргариту Готье и вызывать восхищеніе!..

Нинонъ де-Ланкло, по преданію, была прелестницей до глубокой старости, и умерла въ этомъ званіи. Очевидно, она умѣла «гениально» жить, какъ и Сара Бернаръ. Сара Бернаръ не то, что борется съ надвигающеюся и надвинувшеюся страстью — она побѣждаетъ ее, какъ, вообще, побѣждаетъ жизнь. Эти драматическія роли *travesti*, конечно, выдумала Сара Бернаръ. Она и сейчасъ играетъ своего «Орленка», котораго Ростанъ написалъ для нея. Ухолящая грація женщины замѣняется граціею юноши. Сара Бернаръ неподобна, съ внѣшней стороны, въ Орленкѣ. Она льститъ національному чувству французъ, она шевелитъ ослабшія, но еще не уснувшія струны бонапартизма. «Орленокъ» въ этомъ отношеніи удивительно подходящая для нея роль. Чув-

ство замѣняется бравурностью, психологія прямолинейна и крайне несложна. Роль требуетъ только самообладанія и свободы въ распоряженіи голосомъ, т. е. того, чѣмъ она и сейчасъ владеетъ въ совершенствѣ. И она, попрежнему, кумиръ Парижа, звѣзда мірового города... Пройдетъ еще 10 лѣтъ — ей будетъ 74 года; но если только физическія силы ей окончательно не измѣнятъ, она останется все той же «великой Сарой»... *J'y suis et j'y reste*, какъ сказалъ Макъ Магонъ.

Она умѣетъ жить. Ибо мало умѣетъ писать, чтобы имѣть славу писателя по заслугамъ и мало умѣетъ играть, чтобы пользоваться славой великаго актера. Надо обладать еще «гениемъ жизни».

Помню, однажды мы разговорились съ покойнымъ Н. Ф. Арбенинымъ о томъ, что я выше назвалъ «театральнымъ характеромъ». Перебрали нѣсколько даровитыхъ актрисъ, и говорили о томъ, какъ эта, молъ, хороша, да вотъ не имѣетъ «театрального характера», а та, другая, имѣетъ, почему именно первой плохо и пр. въ томъ же родѣ. Немножко злословили. Послѣ паузы, покойный Н. Ф. сказалъ:

— А въ сущности, какой же результатъ? Ну, солоно приходится отъ такой-то (имя рекъ). Но если бы не это, — мы бы не имѣли замѣчательной актрисы. Это нужно. Для театра нужно...

Не знаю, нужно это или не нужно. Но одно несомнѣнно: только сверхчеловѣческой генией можетъ обойтись безъ «гения жизни». А когда онъ есть, даже челоуѣкъ съ большими усами и малыми способностями многого достигнетъ — тѣмъ болѣе, челоуѣкъ одаренный. И самое искусство, въ концѣ концовъ, есть гениальное произведеніе жизни. А. Кугель.

Н О В Ы И Т Е А Т Р Ъ .

„Дни нашей жизни“, Л. Андреева.
Оль-Оль (г-жа Садовская). Глуховцевъ (г. Діевскій).

ПЕТЕРБУРГСКИИ ТЕАТРЪ.

„Воровка“ Макъ-Келлана, пер. Е. Сергѣевой.
Сцена 2-го акта. (Рис. А. Любимова).

Оргія безсмертія.

(Письмо въ редакцію).

Каждый день рождает новых драматурговъ. Такого страшнаго обвала „оригинальных“ пьесъ, какъ въ нынѣшнемъ сезонѣ, еще не бывало. Точно крысы, почуявши близкую гибель корабля, повыползли изъ всѣхъ щелей и зловѣще ринулись на сцену кропатели пьесъ.

Въ самомъ дѣлѣ: ужъ не таится-ли, именно, тутъ погибель театра, при благосклонномъ содѣйствіи антрепренеровъ?

Похоже на то, что свирѣпый набѣгъ на театръ отзывается „сердечнымъ соглашеніемъ“ между „вновь испекающимися“ драматургами и антрепренерами, причемъ, конечно, нѣтъ никакой рѣчи объ интересахъ театра, актеровъ, искусства, публики. Какая цѣль у „драматурговъ“? Очевидно, единственная: стяжать, какъ говорится, безсмертіе, вынырнуть изъ пучины неизвѣстности—хоть на одинъ моментъ, на одинъ мигъ. Вѣдь, это типъ тѣхъ людей, которые, по мѣткому выраженію М. Нордау, готовы добиваться извѣстности „хоть на собственныхъ похоронахъ“. Съ другой стороны, типъ иныхъ современныхъ антрепренеровъ тоже достаточно извѣстенъ: гораздо удобнѣе получать, нежели платить. И если до сихъ поръ такіе антрепренеры умѣли получать „пай“ съ лже-актрисъ, вмѣсто того, чтобы платить жалованье труженицамъ сцены, то нынче приспѣло, видно, время („все въ мірѣ совершенствуется“) воити, быть можетъ, въ такія-же милыя отношенія и съ лже-драматургами...

„Авторы“ шляются по театрамъ, можно сказать, цѣлыми табунами и звѣрски рвутъ другъ у друга „безсмертіе“. У однихъ лица—сіяющія отъ восторга и гордости; это—сегодняшніе „авторы“. У другихъ лица—перекошенные, искаженные злою завистью; это—„авторы“ ближайшихъ дней.

Рецептъ „безсмертія“ до чрезвычайности простъ. Иванъ Непомнящій пишетъ подъ видомъ пьесы „дневникъ происшествій“; туда-же прибавляетъ кусочекъ задрганной „передовой“, нѣсколько остротъ изъ смѣси, литературы табачнаго „дяди Михея“ и пр. „злободневной“ ржавчины. Чаще всего, фамиліи дѣйств. лицъ звучны и, какъ и построеніе цѣлыхъ дѣйствій, неуклюже скрадены изъ извѣстныхъ пьесъ. Засимъ могущественнымъ пособникомъ кандидату въ „безсмертные“, выступаетъ

печать. Появляются „анонсныя“, предварительныя замѣтки о новой пьесѣ „молодого“ или „начинающаго драматурга“ г. Ивана Непомнящаго. Конецъ проклятой, постылой безвѣстности!

Драматургъ—это звучитъ гордо. На афишѣ, само собою, красуется, жаромъ горитъ, имя „новаго драматурга“, да еще подъ соусомъ: „сегодня и ежедневно“...

Пьеса, конечно, проваливается съ мѣста въ карьерѣ. Но кучка пріятелей вызываетъ автора и газеты отмѣчаютъ даже „сущность содержанія“, пожалуй, терзаютъ ее въ клочья. Но „авторъ“ отъ всего этого не испытываетъ ни капельки огорченія. Строго говоря, онъ и не рассчитывалъ на успѣхъ своей „пьесы“. То, чего онъ хотѣлъ, онъ получилъ: общую, публичную извѣстность и сопряженныя съ нею послѣдствія (людскую неразборчивость и покорность „имени“ онъ отлично учитываетъ). Гдѣ ни появится, онъ—„драматургъ“,—бездарный или хорошій, но драматургъ. Въ качествѣ драматурга, онъ обладаетъ возможностью и къ дальнѣйшимъ подвигамъ: напр., записаться членомъ „общества драматическихъ писателей“, читать лекціи о сценическомъ искусствѣ, можетъ быть, и лекціи читать на драматическихъ курсахъ... И въ провинціи имя „автора“ тоже „назоветъ всякъ сушій въ ней языкъ“. Лестно!

Споконъ вѣка обыватель завидовалъ актерамъ: „чортъ-бы ихъ, молъ, побралъ—самый завалищій изъ нихъ, а извѣстность имѣеть! Въ газетахъ пишутъ о нихъ, даже портреты печатаютъ!“...

Пришелъ, кажется, чередъ амнистировать и актеровъ, и даже любителей. Ихъ сильно отодвинулъ въ тѣнь г. драматургъ. Раньше говорили: „ничего нѣтъ легче, какъ сыграть на сценѣ и „обезсмертиться“. Нынче неизмѣримо легче „написать“ и очутиться въ зенитѣ популярности. Да и писать даже не надо, чтобы прослыть писателемъ. Выработались на биржѣ литературной извѣстности особыя пріемчики. Напримеръ, тотъ-же Иванъ Непомнящій объявляетъ въ газетахъ, что будетъ читать лекцію о „задачахъ искусства“. Затѣмъ контръ-объявленіе: по болѣзни *литератора* Ивана Непомнящаго (а то еще „по независящимъ причинамъ“) лекція переносится, отменяется...

Какъ спасти театръ, какъ спасти актеровъ, которыхъ антрепренеры стали подвергать новой, утонченной пыткой: исполненію пьесъ добывающихъ на актерской спинѣ извѣстность Ивановъ Непомнящихъ?

Средство единственное, которое какъ-то и предлагалъ въ „Театрѣ и Искусствѣ“ А. В. Амфитеатовъ въ отношеніи нынѣшнихъ „модныхъ писателей“: *мощильное молчаніе*, систематическое замалчиваніе именъ „драматурговъ“. Пусть ихъ наслаждаются однѣми афишами. Съ строжайшимъ разборомъ относиться къ „анонснымъ“ замѣткамъ о новыхъ пьесахъ. Пожалѣть надо—тѣхъ, невинныхъ актеровъ и актрисъ...

В. Куршевскій.

Уборная англійской актрисы въ 1810 году.
Новая роль. Поюшка табаку за кулисами.

За сто лѣтъ назадъ.

Литографія эпохи Реставраціи (р. Верне).

Ростовскія письма.

Сезонъ въ полномъ разгарѣ, во всѣхъ трехъ театрахъ идутъ новинка за новинкой. Обыкновенно новинки идутъ три-четыре раза. Исключение составила какая-то „Странная исторія“, англійская бульварная пьеса, послѣ перваго спектакля снятая съ репертуара. „Анна Каренина“, „Обрывъ“ и другія передѣлки нашихъ романистовъ дѣлали переполненные сборы.

Въ матеріальномъ отношеніи дѣла у Соболевцова блестящія. На недѣль два-три сбора съ аншлагомъ, одинъ спектакль (по субботамъ) уступается благотворительнымъ учрежденіямъ за 500 руб., а съ этой недѣли по вторникамъ и пятницамъ рядъ бенефисовъ. Въ смыслѣ постановки дѣло тоже идетъ безупречно,—декорации новыя, обстановка прекрасная. Приглашенный Соболевцовымъ, и какъ актеръ и какъ режиссеръ г. Урванцевъ, больше, однако, „не ставить“, а только играетъ. До сихъ поръ справлялся съ дѣломъ самъ Соболевцовъ, но играть ежедневно, играть первыя роли и режиссировать—непосильный трудъ и себѣ въ подмогу онъ пригласилъ Н. А. Ростовцева. Исполненіе дружное. Но обратимся къ дефектамъ. Прежде всего и главное — нѣтъ настоящей, молодой, сильной драматической актрисы—героини. Г-жа Миличъ для такого дѣла ни съ какой стороны не подходитъ. Г-жа Вульфъ... да, если вы хотите видѣть актрису, хорошую актрису въ роляхъ „не отъ міра сего“, смотрите ее, это тепличное, нѣжное растеніе, но въ иной атмосферѣ оно тотчасъ поблкнетъ.

Была Лисенко—ушла. Взамѣнъ ее приглашена г-жа Жвирблисъ, — но это не то, чего труппѣ не достаетъ.

Далѣе нѣтъ настоящей, молодой, жизнерадостной энженю комикъ. Играетъ эти роли г-жа Славатинская. Но время идетъ. Лѣтъ 15 назадъ г-жа Славатинская тоже меня захватывала.

„Вожди“ успѣха не имѣли. Съ большимъ успѣхомъ идутъ теперь „Дни нашей жизни“ Андреева.

Нахичеванскій антрепренеръ тянется — не хочетъ отстать отъ Соболевцова. Взять хотя бы тѣхъ же „Вождей“. Какъ и въ большинствѣ пьесъ Южина, въ „Вождяхъ“ много дѣйствующихъ лицъ, и что ни лицо, то роль. У Соболевцова „Вожди“, и у Стоянова „Вожди“, а въ труппѣ Стоянова актеровъ настоящихъ, какъ г. Покорскій, мало! Сбору на этомъ спектаклѣ было 28 р. Не можетъ похвалиться сборами и Онѣгинъ. Здѣсь тоже идутъ новинки, но совсѣмъ другого сорта и не видно погони, не видно желанія конкурировать съ Соболевцовымъ.

„Господа, я въ теченіе двухъ недѣль за свой трудъ не получилъ ни одной копѣйки. Дирекція каждый день откладываетъ на завтра, я голоденъ и потому играть не могу“.

Поднялся шумъ и полиція сдѣлала распоряженіе о возвратѣ публикѣ денегъ... Таковы замѣтки въ отдѣлѣ „Театръ“ въ мѣстныхъ газетахъ.

Произошло это 21 ноября, въ праздничный день, предъ началомъ спектакля („Княжна Тараканова“) въ Нахичевани-на-Дону, въ городскомъ театрѣ, дирекція Н. Н. Стоянова,—а сказано это было со сцены артистомъ Покорскимъ.

Я ни на минуту не оправдываю поступокъ Покорскаго, талантливаго молодого актера въ труппѣ г. Стоянова. Что бы ни случилось, нельзя, питая хотя бы малѣйшее уваженіе къ самому себѣ, выносить все это на публику. Не платить антрепренеру—не приходите на спектакль, предупредивъ его запиской. Но собрать публику, заставить ее просидѣть до начала десятаго часа и потомъ преподнести ей вышеприведенное заявленіе—по меньшей мѣрѣ безтактно.

Дѣло распалось. Но развѣ я не говорилъ объ этомъ мѣсяцъ назадъ, развѣ я не говорилъ иначе могло быть? Вѣдь г. Стояновъ еще до снятія Нахичеванскаго театра зналъ, что въ Ростовскомъ драме Соболевцова и драма сильная, что въ Машонкинскомъ драма Онѣгина и драма хорошая, что Соболевцовъ и Онѣгинъ испытанные бойцы, что у нихъ есть знаніе, средства. Развѣ Стояновъ, служа въ прошломъ сезонѣ въ Нахичевани, въ дирекціи Онѣгина, не видѣлъ, что театръ наполняется ростовской публикой и только потому, что въ Ростовѣ опера и оперетка, и что въ текущемъ сезонѣ онъ въ свой театръ ростовскую публику не заманитъ. На что-же шель Стояновъ? На завѣдомый крахъ. Собравъ небольшую труппу, часть которой еще не имѣетъ права самостоятельна выступатъ на сцену, а нѣкоторымъ же давно пора бросить сцену, не имѣя библиотекы, костюмовъ, декораций, ни гроша денегъ, не будучи актеромъ (актеръ онъ очень слабый), режиссеромъ, администраторомъ, дѣльцомъ—какое право онъ имѣлъ итти на самостоятельное дѣло?

Давно уже существуетъ министерскій циркуляръ, требующій отъ театральныхъ предпринимателей внесенія двухъ-мѣсячнаго оклада жалованья труппы.

Но циркуляръ этотъ игнорируется и его замѣняютъ десяти-процентнымъ взносомъ со сборовъ. А какова можетъ быть эта сумма, когда сборы эти колеблются между 2 р. 80 к. и 28 руб., какъ это бывало у г. Стоянова?

У Онѣгина (Машонкинскій театръ) гастролируетъ О. В. Некрасова-Колчинская. Репертуаръ „Некрасовскій“: „Нана“, „Заза“, „Фрина“ и пр. Она дѣлаетъ сборы. Вообще, за послѣднее время дѣла здѣсь поправились: мелодрама собираетъ публику. Если вы къ этому добавите, что труппа хорошая, новыя декорации, хорошая режиссура—то можно съ увѣренностью сказать, что Онѣгинъ благополучно кончитъ сезонъ. У Соболевцова дѣла продолжаютъ быть прекрасными. Повторяющіяся по три-четыре раза пьесы даютъ почти полные сборы. Непокладая рукъ готовятъ „Гетеру Лаису“. Новый режиссеръ Н. А. Ростовцевъ дебютировалъ постановкой двухъ пьесъ: старой „Три сестры“ и новой „Сполохи“. И той, и другой онъ показалъ публикѣ свои познанія и свою опытную руку.

Шоломъ Ашъ, въ одномъ изъ своихъ произведеній, говоритъ: „Лекаръ является ранше болѣзни“. Почти такъ случилось у насъ съ артистическимъ обществомъ. На смѣну похорошеннаго стараніями г. Севастьянова и его присныхъ стараго общества, возникло новое, уставъ коего уже утверждёнъ.

Название это общество носитъ: „Ростово-нахичеванское общество изящныхъ искусствъ“. Вчера состоялось первое организационное собраніе, въ совѣтъ общества избраны: В. Ф. Зеелеръ (присяжный повѣренный, видный общественный дѣятель), В. М. Томашевскій (нотаріусъ), А. Я. Конторовичъ (врачъ, скульпторъ-любитель), П. И. Крамеръ (бывшій предсѣдатель артистическаго общества въ его лучшіе годы) А. М. Штромъ, И. С. Богатыревъ (художникъ), А. И. Мухинъ (художникъ), А. С. Чиниковъ (художникъ), И. С. Косенко (врачъ), С. Н. Пастуховъ, Д. Н. Елифановъ (инженеръ), А. Ф. Ивановъ (учитель), А. Чергоновъ и Ф. С. Гончаровъ. Въ собраніи избраны: предсѣдателемъ В. М. Томашевскій, товарищемъ его—В. Ф. Зеелеръ, секретаремъ А. Я. Конторовичъ и казначеемъ П. И. Крамеръ.

Рѣшили школу артистическаго о-ва взять въ свое вѣдѣніе, приобрести для нея имущество, назначенное въ продажу съ аукціона 2 декабря, войти съ Новосильцевымъ въ переговоры о покупкѣ картинъ, приобретенныхъ имъ съ торговъ, принадлежавшихъ нашимъ художественнымъ классамъ и проч.

Зная большинство руководителей по ихъ близости къ изящнымъ искусствамъ, дѣятельности, энергии, любви къ дѣлу, я не сомнѣваюсь въ быстромъ расцвѣтѣ новаго общества.

В. Камневъ.

Письма въ редакцію.

М. г. Въ нѣкоторыхъ газетахъ появилось извѣстіе, что дирекція Народнаго дома предполагаетъ къ постановкѣ „Синюю птицу“ М. Метерлинка. „Синяя птица“—переведена мною и З. А. Венгеровой съ рукописи. Пьеса еще не появилась ни на одномъ европейскомъ языкѣ, и появится не ранше осени будущаго года. Исключительное право представленія этой пьесы въ Россіи принадлежитъ московскому Художественному театру. И ни одинъ другой театръ не можетъ ставить этой пьесы.

Авторскія права, по этой пьесѣ, охраняются московскимъ и петербургскимъ драматическими Обществами; и всякое нарушеніе ихъ будетъ преслѣдоваться по закону.

Примите и пр. Вл. Бинштокъ.

Р. S. Прошу газеты, помѣстившія извѣстія о готовящейся постановкѣ „Синей птицы“, перепечатать настоящее письмо.

В. В.

М. г. Позвольте мнѣ чрезъ посредство вашего журнала принести мою глубокую благодарность всѣмъ учрежденіямъ и моимъ добрымъ знакомымъ, почтившимъ меня своими привѣтствіями въ день моего 30-ти-лѣтняго юбилея.

Артистъ В. Ромашковъ.

М. г. 15 декабря сего года исполнится двадцатилѣтіе артистической дѣятельности артиста-антрепренера Онисима Зиновьевича Суслова.

Имя юбиляра настолько извѣстно всей театральной Россіи, что всякіе комментаріи излишни.

Его товарищи-сослуживцы образовали Комитетъ, взявшій на себя организацію чествованія юбиляра въ этотъ день въ Петербургѣ, въ Екатерининскомъ театрѣ.

Извѣщая Васъ объ этомъ, Комитетъ проситъ принять участіе въ этомъ чествованіи, присылая привѣтствія по адресу: Петербургъ, Екатерининскій театръ, Юбилейному Комитету.

Юбилейный Комитетъ: Е. Ф. Зарницкая, Н. Ф. Чарновская, Л. Я. Манько, М. Ф. Клодницікй, С. В. Дьяковъ.

(По телеграфу).

М. г. Спектакль обществу русскихъ людей 12 ноября былъ проданъ владѣльцемъ театра Львовымъ, у котораго играю на гарантіи. По контракту не имѣлъ права отказаться отъ постановки пьесы. Въ случаѣ отказа труппа осталась-бы безъ средствъ къ существованію. Устроителемъ вечера не былъ, никакого участія не принималъ.

Колесниченко.

Трѣхмѣсячная лѣтопись.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Спектакли въ новочеркасскомъ городскомъ театрѣ проходятъ въ общемъ съ очень хорошимъ художественнымъ и недурнымъ матеріальнымъ успѣхомъ. Изъ выдающихся слѣдуетъ отмѣтить слѣд. спектакли: „Плоды просвѣщенія“, поставленная въ честь Л. Н. Толстого 1 октября, затѣмъ бенефисъ ветерана нашей сцены М. И. Михайлова, возобновившаго 28 окт. „Горе отъ ума“, бенефисъ г-жи Дарьяль 7 ноября „Дама съ камеліями“ и бенефисъ г. Муромцева 11 ноября „Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія“. Всѣ эти спектакли прошли при переполненномъ театрѣ и сопровождались настоящими овациями по адресу бенефициантовъ. Однако первые два, при обилии дѣйствующихъ лицъ, не могли пройти съ полнымъ ансамблемъ, такъ какъ даже нѣкоторые премьеры, играя неподходящія роли (Муромцевъ—Григорій лакей, Лавровская—Хлестова) далеко не оказались на высотѣ своего положенія. Совершенно не удовлетворилъ меня г. Муромцевъ и въ роли Чацкаго, проведенной имъ слишкомъ трагической. Зато во многихъ другихъ роляхъ (Жадовъ, Ивановъ, Дуракъ, Самозванецъ, Раскольниковъ и др.) г. Муромцевъ былъ такъ хорошъ, что можно объяснить себѣ, безъ особой натяжки, появленіе въ нашемъ театрѣ цѣлой дюжины психопатокъ, повидимому вѣрившихъ себѣ въ священную обязанность на каждомъ спектаклѣ вызывать этого артиста, визжа и вопя чуть не до истерики.

Посѣтивъ довольно много спектаклей, я все болѣе и болѣе проникаюсь уваженіемъ къ таланту г-жи Дарьяль, доставившей мнѣ своею сильною и умною игрою очень много истиннаго наслажденія. Я не могу также присоединиться къ нападкамъ на нее мѣстной прессы за выборъ „Дамы съ камеліями“ для ея бенефиса. Пьеса эта во всякомъ случаѣ не такъ ужъ устарѣла, какъ это утверждаютъ мѣстные критики; роль же героини, исполненная г-жею Дарьяль, по ихъ же отзывамъ, *безукоризненно*, никогда не теряетъ своего интереса, какъ въ глазахъ большой публики, такъ и самихъ драматическихъ артистокъ. Не даромъ и Сара Бернаръ включила ее въ свой репертуаръ для предстоящихъ въ Петербургѣ гастролей. Лично я видѣлъ въ этой роли почти всѣхъ нашихъ русскихъ драматическихъ героинь и иностранныхъ гастролершъ, но все-таки игрою г-жи Дарьяль остался очень доволенъ и совсѣмъ не сътоваль на выборъ пьесы.

Затѣмъ я не могу не отмѣтить всегда удачной игры г-жи Сѣверовой, постоянно выдающейся на первый планъ даже самая незначительная роли, симпатичнаго дарованія г-жи Александровой, а также г-жъ Волховской, Ковалевой, Авѣровой и Гончаровой. Вообще настоящимъ составомъ женскаго персонала труппы г. Крылова я вполне доволенъ; только немного разочаровался въ г-жѣ Лавровской и попрежнему не высоко ставлю игрою г-жи Чаровой, между прочимъ, прямо таки провалившейся роль Ксеніи въ бенефисъ г. Муромцева. Обращаясь вновь къ мужскому персоналу, считаю необходимымъ обратить особое вниманіе на г. Шевченко, игра котораго отличается у насъ поразительными контрастами. Прекрасный Репетилевъ, г. Шевченко былъ невозможно плохимъ Мармеладовымъ; хорошій Расплюевъ, оказался совсѣмъ не важнымъ 3-мъ мужикомъ и т. д. Чѣмъ объяснить это постоянно повторяющееся явленіе? Ужъ не тѣмъ-ли, что г. Шевченко совсѣмъ не хочетъ учить для Новочеркасска новыя роли? По крайней мѣрѣ, роли Мармеладова онъ совершенно не знаетъ и подчасъ говорилъ даже не то, что ему громкогласно подавалъ суфлеръ... Нѣтъ, не затмить и даже не сравняться ему съ нашимъ г. Михайловымъ. О г. Булатовѣ я могу повторить только свой прежній отзывъ. Это бесспорно большой актеръ. Прекрасный Наблюдчикъ, Звѣздинцевъ, Скалозубъ, Жоржъ Дюваль, великолѣпнѣйшій генералъ Владыкинъ („Казенная квартира“) и пр. Г. Булатовъ ни одной еще роли не провелъ блѣдно, не выдвинувъ ея на первый планъ. Очевидно, артистъ этотъ дорожитъ своей репутаціей и много работаетъ надъ отдѣлкой каждой роли.

Помимо драматическихъ спектаклей, г. Крыловъ по временамъ угощаетъ насъ и опереткой, которая наѣзжаетъ къ намъ на 5—6 спектаклей и дѣлаетъ отличные сборы. Изъ состава настоящей опереточной труппы г. Крылова на первомъ мѣстѣ приходится поставить г-жу Соколову, какъ лучшую актрису на каскадные роли, бойкую, веселую, съ большимъ темпераментомъ и огонькомъ и при томъ изумительно „трудоспособную“. Кажется, нѣтъ такой оперетки, въ которой не играла-бы и съ успѣхомъ г-жа Соколова. Изъ лирическихъ же за первенство борются 2 очень хорошия пѣвицы Сергѣева и Барвинская; но, къ сожалѣнію, обѣ онѣ крайне слабо играютъ. Шумнымъ успѣхомъ заслуженно пользуется комическая старуха Разсказова и очень недурно исполняетъ вторыя каскадныя роли г-жа Арнольдъ. Изъ мужского персонала на первомъ мѣстѣ необходимо отмѣтить г. Чужбинова, пользующагося огромнымъ успѣхомъ, немилосердно шаржирующаго, но столь уморительнаго, благодаря своимъ танцамъ, мимикъ и „клоунскимъ“ штукамъ, что невозможно не смѣяться, глядя на его выходки. На второмъ планѣ, какъ комикъ, стоитъ режиссеръ труппы г. Градовъ. Первый теноръ г. Славинъ особеннымъ

успѣхомъ не пользуется, не выдѣляясь ни голосомъ, ни игрой. Значительно большимъ успѣхомъ пользуются баритонъ Далматовъ и протакъ Грековъ; оба хорошия актеры и пѣвцы.

Матовъ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Въ зимнѣ театрѣ нынѣшній сезонъ играетъ драматическая труппа гг. А. М. Строганова и П. И. Сѣрова. Составъ труппы приличный и дѣла недурныя, несмотря на конкуренцію оперной труппы гг. Дракули и Дружинина, гостившей здѣсь въ теченіи 3-хъ недѣль въ октябрѣ мѣсяцѣ. Составъ драматической труппы слѣдующій: г-жи Троицкая, Смолина, Агатова, Агрелли, Панаева, Мальцева, Арская, Назарова, Михайлова; гг. Сѣровъ, Сергѣевъ, Корнильевъ, Томашевскій, Кручининъ, Неждановъ, Чапурскій, Рудичъ, Ремеръ, Эльскій и др.

Кромѣ драматическихъ спектаклей ставятся также и оперетки, изъ которыхъ уже прошли „Веселая вдова“, „Гейша“, „Зеленый островъ“, „Нитушъ“. Постановка театральная. Оперетки имѣютъ успѣхъ. Ставятся онѣ подъ аккомпаниментъ рояля. Постановка возложена на дирижера Н. Г. Карташева, онъ-же и аккомпанируетъ. Изъ артистовъ пользуются успѣхомъ въ драмѣ: г-жи Троицкая, Смолина, Мальцева; гг. Сѣровъ, Неждановъ, Томашевскій, Кручининъ, Корнильевъ. Въ опереткѣ: г-жи Агатова, Агрелли, Арская; гг. Томашевскій, Корнильевъ, Неждановъ и Чапурскій. Изъ драматическихъ произведеній большіе сборы дѣлаютъ пьесы въ родѣ: „Убійца женщинъ“, „Натъ Пинкертонъ“ и т. д.—Очевидно такъ-теперь духъ времени. Анонсируется и готовится къ постановкѣ пьеса „Гетера Лаиса“, „Брандтъ“ и т. д. Въ Коммерческомъ Собраніи послѣ отъѣзда оперной труппы гг. Дракули и Дружинина начались любительскіе благотворит. спектакли. Прошло ихъ уже три: 1) въ пользу пріютовъ—„Рабы“ соч. Платона; 2) въ пользу недостаточн. учен. Мореходнаго училища—„Драма изъ телефона“, концертное отд. и сценки изъ морской жизни; 3) въ пользу недост. уч. гимназіи—„Свои люди—сочтемся“ Островскаго. Изъ гг. любителей драматическаго искусства выдѣляются г-жи Александрова, Митрофанова, Сверлова, Гльбовская; гг. Александровъ, Сухинъ и др.

Здѣшнее Общество любителей музыки устраиваетъ два раза въ мѣсяцъ очередные музыкальные вечера по разнообразной программѣ. Вечера имѣютъ успѣхъ и охотно посѣщаются публикой. Муз. Общество располагаетъ хорошимъ оркестромъ изъ гг. любителей. Здѣшнее Общество трезвости также предполагаетъ устроить въ теченіи зими рядъ литературно-музыкальных и общедоступныхъ вечеровъ, кромѣ постоянныхъ праздничныхъ чтеній, которыя аккуратно ведутся изъ года въ годъ каждую зиму. Вообще, общественная жизнь въ Архангельскѣ въ послѣдніе годы значительно поднялась и оживилась, чему остается только порадоваться.

Общатель.

ТЮМЕНЬ. 8-го ноября истекъ мѣсяцъ со дня начала спектаклей въ городскомъ (именуемомъ „текутьевскимъ“) театрѣ. Начнемъ съ репертуара. До сихъ поръ это былъ обычный въ наши дни — пестрый репертуаръ; въ томъ, повимому случайнымъ подборѣ пьесъ, которыя прошли въ первый мѣсяцъ сезона трудно было-бы разглядѣть какую-либо руководящую мысль: на ряду съ дѣйствительными новинками сезона, извлечены изъ театрального архива давно отжившія свой вѣкъ пьесы, какъ „Дѣти вѣка“, на смѣну ей выдвигался густо рекламируемый „Убійца женщинъ“, знакомящій публику съ самыми послѣдними похождениями Шерлока Холмса и т. д. По настоящее время сыграны слѣдующія пьесы: „Рабство“ Зел. Дубельтъ (для открытія сезона), „У дверей рая“, „Дочь вѣка“, „Власть плоти“ Протопопова, „Воровка“ Магъ-Келлака, „Убійца женщинъ“, „Непогребенные“, „Казенная квартира“, „Убѣжище“ Тимковскаго, „Незрѣлый плодъ“ Брако, „Дочь улицы“ Пержинскаго, „Въ неравной борьбѣ“ Вл. Александрова, „Красный фонарь“, „Пріютъ Магдалины“, „Темный боръ“, кромѣ того для утренниковъ по общедоступнымъ цѣнамъ (отъ 12 к. до 60 к.) даны были пьесы: „Отмѣтка въ поведеніи“ и „Семнадцатилѣтніе“. Если прибавить къ перечисленному шедшія въ добавокъ къ „заглавнымъ“ пьесамъ одноактные др. этюды, какъ „Воръ“ Мирбо и миниатюры Ге „По завѣтамъ торы“ и „Поцѣлуй первый и послѣдній“ — то репертуаръ будетъ исчерпанъ. Пестрота его, думается намъ, отразилась до извѣстной степени на сборахъ, на первое время оставившихъ, какъ говорится, желать лучшаго. Изъ всего репертуара лишь 5—6 произведеній представляють извѣстный интересъ въ сценическомъ или литературномъ отношеніи. Постановка же „сенсационныхъ“ новинокъ, помимо всякихъ другихъ соображеній, не оправдываетъ надеждъ на сборы — такого рода пьесы, какъ „Убійца женщинъ“ не привлекаютъ даже и тюменскую публику, о запросахъ и всуахъ которой директоръ, повидимому, не высокока мнѣнія. Только этимъ, кстатѣ сказать, можно объяснить рассчитанную на самую глухую провинцію наивную рекламу въ афишахъ объявляющихъ „Дочь вѣка“ пьесой „эффектно-популярной“ а отслужившее свой срокъ произведеніе Вл. Александрова — тракующимъ „современный вопросъ“.

Что касается труппы, то сразу бросается въ глаза при первомъ же знакомствѣ съ труппой, что мужской персоналъ сильнѣе женскаго. Съ первыхъ же спектаклей обратили на себя вниманіе два артиста — гг. Яновскій и Новицкій, являю-

шіея крупными силами труппы. При небольшомъ составѣ труппы названнымъ артистамъ, выступавшимъ въ каждомъ спектаклѣ, пришлось порой играть роли и не своего амплуа, но вездѣ чувствовалось вдумчивое отношеніе къ дѣлу и интеллигентность въ передачѣ ролей. Г. Янковскому удалось создать живыя лица въ цѣломъ рядѣ пьесъ, напр. Виляева въ „Казенной квартирѣ“, прошедшей, кстати сказать, вообще удачно. Дроздова „Непогребенные“, Болтина „Власть плоти“, Федки-Осы (миніатюра Ге) и др. Можно было-бы пожелать артисту большаго разнообразія, гибкости въ интонаціи голоса, хотя для ролей резонеровъ, особенно удающихся г. Янковскому, жесткость и грубоватость его голоса прекрасно подходит. Съ удовольствіемъ останавливаешься на г. Новскомъ, заслужившемъ повидимому, прочную симпатію публики. У этого артиста—художественная чуткость, темпераментъ, продуманность и та, заражающая зрителя, искренность, задушевность, что незримыми нитями связываетъ артиста съ аудиторіей. Въ итогѣ—рядъ вѣрно и интересно очерченныхъ образовъ; таковы Теркинъ въ „Непогребенныхъ“, Бадаевъ „Каз. кварт.“, Лярскій „У дверей рая“ и наконецъ „Воръ“ въ этюдѣ Мирбо того же названія. Къ сожалѣнію, иногда г. Новскому приходилось брать на себя роль мало подходящую къ его дарованію—напр. роль неотразимаго Леонида во „Вл. плоти“, которому г. Новскій придалъ рѣзкія черты, но эти недочеты съ избыткомъ покрываются общимъ цѣльнымъ, свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ игры г. Новскаго, за послѣднее время рѣдко, къ сожалѣнію, выступающаго.

Нельзя обойти молчаніемъ г. Инсарова, хорошо зарекомендовавшаго себя въ „Отмѣткѣ въ поведеніи“ ролью гимназиста. Вообще же роли первыхъ любовниковъ, поручаемыя иногда г. Инсарову, молодому артисту не подь силу.

Какъ полезныя силы труппы отмѣтимъ гг. Лешкова, Фебера (оставившаго недавно труппу), Застольскаго, Урванцева, Проневича, съумѣвшихъ выдвинуть нѣкоторыя роли. Въ частности опытному любителю-артисту г. Проневичу для пользы общаго дѣла слѣдуетъ болѣе заботливо относиться къ костюмамъ и гриму. Не мало оживленія внесъ своей удачной, особенно въ комическихъ роляхъ, игрой г. Мацкаго, пріѣхавшій на нѣсколько спектаклей и съ успѣхомъ сыгравшій „дурака“ въ модной пьесѣ Фульда „Дуракъ“.

Среди женскаго персонала дѣло обстоитъ не такъ ладно. Приглашенная въ качествѣ героини г-жа Сизана-Тонская, не стяжала успѣха, заболѣла и, сыгравъ въ 5—6 спектакляхъ, оставила труппу; на смѣну ея пріѣхала г-жа Трефилова. Плюсы артистки—старательное отношеніе къ дѣлу, но рѣзкое подчеркиваніе словъ, позъ и безпредѣльное повышеніе голоса, переходящее въ утомляющій слухъ крикъ, не соотвѣтствуетъ художественному впечатлѣнію. Упомянемъ еще обѣ артистки Каменской и Арсеньевой.

Г-жа Каменская,—старая знакомая тюменской публики,—опытная, умная артистка, добросовѣстная труженица, умѣющая иной разъ изъ небольшой эпизодической роли создать интересное, живое лицо. Въ г-жѣ Арсеньевой нашъ театръ пріобрѣлъ молодую, свѣжую силу и несомнѣнное дарованіе, нуждающееся въ хорошей отшлифовкѣ. Въ роляхъ своего прямого амплуа—индѣе сопіе—г-жа Арсеньева, обладающая къ тому-же счастливей сценической внѣшностью, производитъ хорошее впечатлѣніе. Меньше удаются роли драматическаго характера, которыя приходилось брать на себя г-жи Арсеньевой, но и здѣсь (напр. роль Тани въ „Казенной квартирѣ“) искренность беретъ свое.

Лучшіе сборы дали пьесы „Рабство“, „Темный боръ“, „Въ неравной борьбѣ“ (первый дебютъ г-жи Трефиловой) и „Дуракъ“ съ участіемъ г. Мацкаго.

Сборы въ первое время слабыя за послѣднее время идутъ на повышеніе.

ПАТИГОРСКЪ, Терск. обл. Съ октября мѣс. въ залахъ казенной гостиницы и коммерческаго собранія небольшою группой артистовъ русской драмы ставятся спектакли; до сихъ поръ прошли: „Жизнь игрока“, „Жена съ того свѣта“, „Дѣти солнца“, „Натъ Пинкертонъ“, „Женитьба“, „Смѣйся солнце“, „Лиходѣйка мачиха“, „Дуракъ“. Изъ исполнителей особеннымъ вниманіемъ публики пользуются г-жи Ніолова, Мертенсъ, Дубровина, гг. Вершаловъ и Чальскій. Артисты играютъ съ участіемъ любителей, которые здѣсь дѣлятся на два-три лагеря и, конечно, не всѣ способствуютъ успѣху спектаклей въ смыслѣ художественнаго исполненія ролей и ансамбля. Сборы приличные. За отсутствіемъ другихъ развлеченій, кромѣ 2хъ биографовъ, публикѣ дѣваться совершенно некуда.

Пріѣзжали сюда не „гастроли“ артистъ г. Гаранинъ съ труппой и артисткою г-жей С. Бѣлой. Поставили пьесы „Ихъ четверо“, „Безработные“ и „Красный фонарь“—послѣднія двѣ сочин. С. Бѣлой. Успѣхъ матеріальный труппа имѣла большій.

Нельзя обойти молчаніемъ игры нѣкоторыхъ здѣшнихъ гг. любителей, которые съ благотворительными цѣлями ставили пока два спектакля „Байбакъ“ и „Иванъ Миронычъ“—пьесы разыграны красиво, гладко и дружно. Постановка является вполне продуманной и не даромъ намъ раньше приходилось слышать объ установившемся реномѣ мѣстнаго особаго кружка

любит. драм. искусства, состоящаго изъ гг. Парамонова, Адамова, Кузьменко, Ростовцева, Фролова, Федотова (прекрасный Иванъ Миронычъ), Звѣздичъ и Тѣстина, г-жѣ Папковой, Тамаровой, Фонъ-Огліо, Кузнецовой, Казановской, Буровой, Васильевой. Нельзя не пожелать, чтобы и на будущее время, гг. любители продолжали относиться къ своему дѣлу такъ же серьезно.

А. И. Чайкинъ.

ЕЛИЗАВЕТГРАДЪ. Зимній театръ насл. В. Т. Кузмицаго, какъ уже сообщалось въ „Т. и Иск.“, снятъ на 12 лѣтъ г. Элькиндоу, арендующимъ театры также въ Екатеринбургѣ, Кременугѣ и Бердянскѣ. На настоящій зимній сезонъ театръ переарендованъ драматическимъ антрепренеромъ г. А. М. Дорошевичемъ. Составъ труппы (въ алфавитномъ порядкѣ): г-жи Астрова, Аленина, Бородинка-Дорошевичъ, Мурина, Иваницкая, Мурина, Ремнева, Романовская, Степанова, Свѣтзарова, Соколовская, Статковская, Стрѣльская, Силина и Трубецкая и гг. Арнольдъ, Бернацкій, Бѣлинскій, Бурлакъ, Ге, Дорошевичъ, Дымскій, Звѣздичъ, Ивановъ, Козаревъ-Сокольскій, Прозоровскій, Самаринъ-Волжскій, Сергѣевъ, Юлинь и Янушевъ. Пом. реж. Москвинъ, суфлеръ Бухштабъ, художникъ-декораторъ Корбутъ. Гл. режиссеръ Дорошевичъ. Режиссеры Прозоровскій и Самаринъ-Волжскій. Труппа средняя; нѣтъ выдающихся талантовъ, но зато и вторыя силы вполне приличны.

Сезонъ открылся 26 сентября „Горемъ отъ ума“. Дѣла труппы не дурны: за первый мѣсяцъ взято по 289 рублей на кругъ. Утренники даютъ сборы до 300 рублей. Всего до 4 ноября было 34 спектакля: 28 вечернихъ и 6 утреннихъ. Репертуаръ разнообразный: отъ Ибсена и Чехова до „Ната Пинкертонъ“ включительно.

Шли слѣдующія пьесы: „Горе отъ ума“, „Король“ (2 раза), „Женитьба Бѣлугина“, „Благодѣтели челоуѣчества“, „Дуракъ“ (2 раза), „Пасынки жизни“, „Казнь“, „Жить хочется“ (2 раза), „Клубъ самоубійцъ“, „20 дней въ тюрьмѣ“, „Красный цѣтокъ“, „Новый мѣръ“, „Казенная квартира“ (2 раза), „Кинъ“, „Строитель Сольнесъ“, „Натъ Пинкертонъ“, „Чортъ“, „Анна Каренина“, „Уриель Акоста“, „Ограбленная почта“, „Три сестры“, „2 X 2 = 5“, „Трильби“ и „Горнозаводчикъ“. Для утренниковъ шли: „Женитьба Бѣлугина“, „Дѣти Ванюшины“, „Новый мѣръ“, „Натъ Пинкертонъ“ и „Дуракъ“.

Леоп. Котляровъ.

КАМЕНЕЦЪ-ПОДОЛЬСКЪ. На сценѣ нашихъ двухъ театровъ играетъ вполне приличная труппа подь управленіемъ г-жи Кожевниковой. Въ труппѣ есть хорошія силы: г-жа Мризовская, гг. Барскій, Крамовъ. Очень недурны и другіе персонажи труппы: Аткарскій, Ворцовъ, Бѣльскій, Гнѣдичъ. Очень хороша г-жа Дюбокъ (ком. старуха). Режиссируетъ г. Крамовъ. Репертуаръ разнообразенъ. Матеріальная сторона дѣла не блестяща. Идутъ съ дефицитомъ. Жалованье платятъ исправно. До сихъ поръ взяли по 100 руб. на кругъ.

Г. Урманъ.

ВОРОНЕЖЪ. Какъ Никулинъ въ городскомъ театрѣ, такъ и труппа союза сценическихъ дѣятелей въ народномъ домѣ въ первый мѣсяцъ потерпѣли значительные убытки, что надо объяснить, во-первыхъ, сильной конкуренціей цирка бр. Трущи, дѣлавшаго поистинѣ, прямо таки „гладіаторскіе“ сборы „борьбой“ и тяжелыми условіями аренды обоихъ театровъ. Несомнѣнное вліяніе на сборы имѣютъ также модные электроскопы-графы съ поющими и говорящими картинками, собирающіе съ падкой до новинокъ публики порядочные куши; клубы, привлекающіе массу молодежи „танцами съ боемъ конфетти“ и любительскими спектаклями, къ слову сказать, очень не важными, и, наконецъ,—кабачки, эти „Буффы“ и „Берлины“, гдѣ на примитивно устроенныхъ подмосткахъ показываютъ свое искусство „знаменитые“ и „неподражаемые“. На сборахъ же народнаго дома, помимо того, отражается далекое и, потому, неудобное сообщеніе съ нимъ. Одновременно съ открытіемъ спектаклей былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи въ пользованіе публики послѣ спектаклей конки, но потомъ дѣло это какъ-то затормозилось и до сихъ поръ не осуществлено.

Въ концѣ октября циркъ уѣхалъ и сборы въ обоихъ театрахъ быстро поднялись, такъ что второй мѣсяцъ далъ возможность г. Никулину отчасти покрыть дефицитъ перваго мѣсяца, а труппу нар. дома снабдевалъ благополучнымъ окончаніемъ сезона. Въ общемъ за два мѣсяца г. Никулинъ взялъ до 16 тысячъ валового сбора, что составляетъ въ среднемъ на кругъ (сыграно 45 спектаклей) немного болѣе 350 рублей, а труппа нар. дома, какъ извѣстно, эксплуатирующая театръ на кооперативныхъ началахъ и ничего за первый мѣсяцъ не получившая (даже приплатила), взяла во второмъ мѣсяцѣ приблизительно по 115 р. на кругъ,—деньги, конечно, небольшія, но при маленькомъ бюджетѣ труппы онѣ представляютъ нѣкоторое утѣшеніе.

Матеріальная „незгода“ заставила труппу народнаго дома покинуть, хотя и на короткое время, хорошія идейныя репертуаръ и перейти на грубую, набившую оскомину мелодраму. На афишахъ заперстѣли: „Проклятый замокъ“, „Ограбленная почта“, „Шерлокъ“, конечно, подь разными соусами и т. д. Но, повторяю, это продолжалось не долго и винить за это труппу, поставленную въ тяжелое матеріальное положеніе

нельзя. Какъ только сборы поднялись, чему много способствовали и способствуютъ танцы, устраиваемые по воскреснымъ днямъ послѣ спектаклей, тотчасъ были выписаны историческіе костюмы, и репертуаръ сталъ даже лучше, чѣмъ былъ. Съ 14 октября (до этого числа мною доведенъ перечень пьесъ въ предыдущей моей корреспонденціи, помѣщенной въ 46 номерѣ) и по 27 ноября прошли слѣдующія пьесы: „Лѣсъ“, „Проклятый замокъ“, „Возвращеніе Шерлока Хольмса“, „Въ мрѣи отверженныхъ“, „Расточитель“, „Нахлѣбникъ“ и „Провинціалка“ (безплатный для учениковъ), „Воровка дѣтей“, „Дорога въ адъ“ и „На пескахъ“, „Расплата“, „Свадьба Кречинскаго“, „Ограбленная почта“, „Король воровъ Мариарти“, „Ревизоръ“, „Склепъ“ (благотворительный), „Василиса Мелентьева“, „Бѣшенныя деньги“, „Смерть І. Грознаго“, „Еврика“, „Чародѣйка“, „Столпы общества“, „Разбойники“, „Отелло“, „Власть тьмы“ и „Царь Федоръ Иоанновичъ“. Въ началѣ сезона труппа, добрую половину которой составляетъ „зеленая“ молодежь, не отличающаяся яркими сценическими задатками, но съ „благими порывами“, дружно взялась за работу, и спектакли тщательно и съ любовью обставляемые молодымъ, горячо преданнымъ своему дѣлу режиссеромъ г. Канинымъ,—проходили гладко, оставляя у зрителей пріятное впечатлѣніе. Но мизерные до ужаса сборы, сначала привели труппу въ уныніе, а затѣмъ породили недоразумѣнія между артистами, результатомъ которыхъ былъ выходъ изъ труппы такихъ видныхъ членовъ ея, какъ гг. Адурская, Анчарова, Брагина, Островскій и Каратаевъ, послѣдній недавно вернулся въ труппу. Лишившись названныхъ артистовъ, труппа уже не могла справляться съ нѣкоторыми пьесами, и художественный уровень исполненія понизился. Большимъ успѣхомъ пользуются изъ женскаго персонала г-жа Оленина, артистка съ темпераментомъ, заставляющимъ часто не замѣчать нѣкоторыхъ техническихъ недостатковъ ея игры, а изъ мужского гг. Поплавскій и Панинъ, артисты старой школы, составляющіе ядро труппы; первый удачно выступилъ въ роляхъ І. Грознаго, Томила—въ „Склепѣ“, Кречинскаго, Франца—въ „Разбойникахъ“; второй далъ правдивый, выдержанный образъ Луки—въ „На днѣ“ и Рыдлова—въ „Джентльменѣ“. Нельзя поставить артисту въ заслугу часто допускаемая имъ въ угоду райку „колѣнца“.

У г. Никулина дѣло въ художественномъ отношеніи поставлено, конечно, лучше, но небезукоризненно. Труппа большая и дорогая, но неровная. Лучшія силы — гг. Людвиговъ, Покровскій, Никулинъ, Стопорина, Дымова и др. Гг. Петипа-Викторъ и Южный очень хорошіе актеры легкаго жанра. Изъ драматическихъ ролей г. Петипа удалась только одна роль—герцога Рейштадтскаго въ „Орленкѣ“. Г. Южный далъ великолѣпный рисунокъ Эбергардта—„пѣвца потерянной свободы“ въ „Феѣ Капризъ“ и Петрищева въ „Плодахъ просвѣщенія“. Г. Людвиговъ занимаетъ въ труппѣ доминирующее положеніе. Это большой разнообразный актеръ. Изъ ролей слѣдуетъ отмѣтить виртуозно сыграннаго имъ Ратоборцева въ „Новой жизни“, затѣмъ Кай Дора въ „Мастерѣ“, Владыкина—въ „Казенной квартирѣ“, Иванова въ „Мастерѣ“ того же названія и т. д. Громданнымъ, вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользуются гг. Покровскій и Никулинъ. Въ послѣднее время выдвинулся г. Войтовскій, очень недурно сыгравшій Ванюшина, Любима Торцова и деньщика—въ „Старомъ закалѣ“. Изъ молодежи обращаютъ на себя вниманіе: Лихмарскій, Громадовъ, Деятовъ. Любимица публики г-жа Стопорина; у нея свѣжее хорошее дарованіе,

эффектная внѣшность. Обращаетъ на себя вниманіе г-жа Дымова, живо и искренно сыгравшая нѣсколько ответственныхъ ролей. Еще въ ответственныхъ роляхъ выступала г-жа Шеина, но она не удовлетворила насъ ни въ одной пьесѣ.

Репертуаръ состоитъ преимущественно изъ новинокъ. Съ большимъ художественнымъ и материальнымъ успѣхомъ прошли: „Чортъ“ (2 р.), „Казенная квартира“ (3 р.), „Вожди“ (2 р.), „Дни нашей жизни“ (два раза подрядъ). Кроме того съ 14 октября прошли: „Отмѣтка въ поведеніи“ (2 р.), „Плоды просвѣщенія“ (2 р.), „Карьера Наблюдкаго“, „Трудъ и капиталъ“, „Новое дѣло“, „Педагоги“ и „Русскія пѣсни въ лицахъ“, „Горнозаводчикъ“, „Мастеръ“, „Фея Капризъ“ (благотворительный), „Король“ (2 р.), „Больные люди“ и „Нюбея“, „Дѣти Ванюшина“, „Столпы общества“ (съ рефератомъ артиста Готфрида), „Среди цвѣтовъ“, „Трильби“, „Романтики“ и „Медвѣдь“ (благотворительный), „Гроза“, „Ивановъ“ и „Предложеніе“, „Балконъ“ и „Превосходительный тестъ“, „Бѣдность не порокъ“ (для учащихся съ рефератомъ г. Никулина), „Орленокъ“ (2 р.) и „Старый закалъ“ (2 р.). Какъ видно изъ приведеннаго перечня пьесъ, классикамъ отводится весьма не завидное мѣсто, а къ поставленной 15 ноября „Грозѣ“ труппа такъ отнеслась, что лучше и не говорить. Довольно того, что публика начала расходиться со второго акта.

27-го ноября почитателями и друзьями покойнаго Л. Д. Короткевича въ клубѣ „Семейнаго собранія“ былъ устроенъ спектакль въ пользу сиротъ его, а послѣ спектакля музыкально-литературный вечеръ, въ которомъ приняли участіе: Стопорина, Шеина, Никулинъ, Людвиговъ, Петипа и Южный. Вечеръ прошелъ удачно и привлекъ много публики, такъ любившей покойнаго, прослужившаго у насъ много сезоновъ кряду.

Въ дворянскомъ собраніи съ большимъ художественнымъ и материальнымъ успѣхомъ прошли концерты Петровой-Званцевой съ Миклашевскимъ и Михайловой.

Метеоръ.

МАРИУПОЛЬ. Съ 27-го сентября въ мѣстномъ театрѣ Уварова начались спектакли русской драматической труппы Е. Е. Махоткина. Для открытія сезона была поставлена въ честь Толстого „Власть тьмы“. Затѣмъ послѣдовательно шли: „Родина“ (2 р.), „Каширская старина“, „Безъ вины виноватые“, „Обвиняемая“, „Гроза“, „Первая ласточка“, „Всѣхъ Скорбящихъ“ (2 р.), „Отцы и дѣти“ (2 р.), „Бѣшенныя деньги“, „Шерлокъ Хольмсъ“, „Самсонъ“, „Клубъ Холостяковъ“, „На жизненномъ пиру“ и „Смерть Коверлея“ (2 р.).

Лучшія силы труппы: гг. Соколовскій (главный режиссеръ), Анчаровъ, Летковскій, Зоринъ и Горевъ, г-жи Нѣгина, Лѣскова и Богдановичъ. Приглашены еще въ труппу г-жа Новицкая и г. Матвѣевъ.

Материальный успѣхъ все время не важный. Хорошіе сборы дали только пьесы: „Власть тьмы“, „Отцы и дѣти“ и „Бѣшенныя деньги“. Остальные пьесы проходили при почти пустомъ театрѣ.

На-дняхъ пріѣзжаетъ сюда малорусская труппа подъ управленіемъ Льва Сабинина, которая дастъ рядъ спектаклей въ театрѣ-циркѣ б-евъ Яковленко.

Пока же въ этомъ помѣщеніи подвизуется цирковая труппа г-жи М. Ларь. Дѣла цирка также весьма плачевны.

И. Ц.—ий.

Редакторъ О. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

Нѣжность и бѣлизна рукъ и лица достигается только при употребленіи

МЫЛА ИЗЪ ЧИСТАГО МАСЛА КАКАО

Приготовлено въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Завѣдующію Лабораторіею Докторъ В. Н. Пачченко и А. Н. Энглундъ.

Весьма нѣжнаго свойства; впитываясь въ кожу придаетъ ей нѣжную бѣлизну, мягкость и бархатистость.

Цѣна за кусокъ 80 коп., съ пересылкой 1 р. 20 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи, которая имѣются на всѣхъ этикеткахъ. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи. Главные агентства и склады фирмы для Европы: Гамбургъ—Эмиль Беръ; Вѣна—Лео Глаубаухъ; Кертнеръ Рингъ, 3; Ницца—Е. Лотаръ; для Южной и Сѣверной Америки: Нью-Йоркъ—Л. Мишнеръ. Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, С.-Петербургъ, Новодеревенская набережная, 15.

